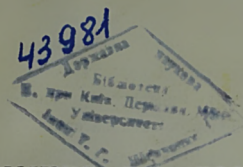

9см (Китв)

Луци

Луцицкий

Киев в 1766 году.

КІЕВЪ ВЪ 1766 ГОДУ.

Изъ генеральной описи малороссійскихъ полковъ ¹⁾, составленной въ 1766—68 гг. по распоряженію Румянцева, уцѣлѣло нѣсколько вѣдомостей, относящихся къ г. Кіеву или, вѣрнѣе, къ тѣмъ частямъ его, которыя въ наше время вошли въ составъ города. Эти вѣдомости вмѣстѣ съ приложенными къ нимъ копіями документовъ заключаютъ въ себѣ рядъ данныхъ настолько интересныхъ и даже, въ большей части случаевъ, совершенно новыхъ, что я счелъ далеко не лишнимъ познакомить съ ними читателей „Кіевской Старины“. Это—данныя, освѣщающія въ значительной степени не только топографію Кіева, но и характеризующія, нерѣдко въ деталяхъ, составъ населенія Кіева, занятія этого населенія, степень экономическаго развитія его и экономическія отношенія, сложившіяся тогда въ Кіевѣ. Къ сожалѣнію, сохранилось описаніе не всего

¹⁾ Часть этой описи, именно: опись городовъ и селеній кіевского и переяславскаго полковъ и части лубенскаго полка (первопирятинской сотни) находится въ библиотекѣ кіевского университета и сохранилась, за немногими исключеніями, почти въ полномъ видѣ. Послѣ введенія намѣстничества въ концѣ XVIII в., она была сдана въ кіевскую Казенную Палату, откуда, вѣлѣдствіе ходатайства предсѣдателя той палаты, Ключарева, и распоряженія генераль-губернатора Вибикова, ее передали въ 1855 году библиотекѣ университета. Но тогда лишь часть хранившейся въ архивѣ описи поступила въ университетъ, гдѣ нѣкоторыя связки были кѣмъ-то утеряны (описи Яготина, Березани, части Кіева и почти всей кіевской сотни). Немало связокъ (ирклѣвская сотня, Золотоноша, домантовская и бубновская сотня и др) осталось въ архивѣ Казенной Палаты, откуда мнѣ

Кіева и его предмѣстій, а лишь нѣкоторыхъ частей его, и потому возстановленіе полной картины состоянія Кіева въ 1766 году оказывается совершенно невозможнымъ. Миѣ приходится поэтому ограничиться описаніемъ только нѣкоторыхъ частей Кіева. Но, я думаю, интересъ и значеніе данныхъ этого описанія, впервые появляющихся на свѣтъ, помогутъ хоть отчасти вознаграждать потерю цѣлага. Я говорю: описаніе, такъ какъ цѣль моя—воспроизведеніе возможно болѣе полное и точное содержащихся въ описи данныхъ.

Необходимо сдѣлать впрочемъ одно предварительное замѣчаніе, касающееся характера описи. Дѣло въ томъ, что, несмотря на существованіе одной общей инструкціи, изданной Румянцевымъ въ руководство при составленіи описей, ее не вездѣ и не во всѣхъ случаяхъ выполняли одинаковымъ способомъ. Въ однихъ полкахъ ей слѣдовали буквально, до мелочей, въ другихъ—многія изъ предъявленныхъ инструкціей требованій остались безъ отвѣта. Изъ тѣхъ двухъ главныхъ группъ описей, которыя имѣются у меня подъ руками, одна, заключающая въ себѣ описаніе переяславскаго полка, значительно отличается отъ той, въ которой идетъ рѣчь о селеніяхъ кіевской сотни. Въ первой изъ нихъ, напримѣръ, описаніе ведется такъ, что изучающему его представляется полная возможность ознакомиться не только съ экономическимъ состояніемъ даннаго села, но и съ внѣшнимъ его видомъ. Ему не трудно, пользуясь указаніями описи, занести на планъ всѣ улицы даннаго селенія, отмѣтить точное положеніе каждаго двора, находящагося на извѣстной улицѣ. Опись ведется такимъ образомъ, что указываются вначалѣ направленіе улицы, а затѣмъ и мѣсто нахожденія двора, и въ рядѣ, и по сторонамъ улицы, т. е. на правой или лѣвой сторонѣ ея. Не то въ описаніяхъ большей части селеній кіевской сотни и въ особенности въ тѣхъ, къ

удалось извлечь ихъ въ 1882 г. Эту справку я привелъ въ виду того, что въ литературѣ (и у г. Лазаревскаго, въ его работѣ о посполитыхъ, и въ недавно вышедшемъ трудѣ г. Червинскаго о кролевецкомъ уѣздѣ) сообщаются крайне неточныя свѣдѣнія на счетъ судьбы румянцевской описи.

которымъ относится настоящая замѣтка. Здѣсь нѣтъ указаній на улицы и ихъ направленіе. Описываются одни дворы, описываются несомнѣнно подъ рядъ, но такъ, что нѣтъ возможности опредѣлить, находятся ли они на одной и той же, или занимаютъ нѣсколько улицъ. Оттого о точной и полной картинѣ той или иной части города не можетъ быть и рѣчи. Все, что возможно сдѣлать, это—указать приблизительно мѣсто, гдѣ находилось данное поселеніе, а затѣмъ охарактеризовать экономическій бытъ его жителей.

Сказаннымъ объясняется характеръ изложенія настоящей замѣтки, отрывочность ея и нѣкоторая, невольная неполнота.

Въ самомъ дѣлѣ, что даетъ намъ румянцевская опись для г. Кіева? Описи верхняго Кіева нѣтъ. Имѣется только вѣдомость о козацкихъ дворахъ, находившихся на Кіево-Подолѣ. Но затѣмъ обо всемъ почти поясѣ земель, окружавшихъ и Старый Городъ, и Кіево-Подоль, эти двѣ главныя и единственныя части тогдашняго города, о весьма многихъ изъ существовавшихъ здѣсь поселковъ, даются нерѣдко подробныя описанія. Изобразивши состояніе кіево-подольскихъ козаковъ, премьеръ майоръ орловскаго пѣхотнаго полка Аршеневскій и бунчуковый товарищъ Савичъ, составители описи, ведутъ насъ сначала на нынѣшній Крещатикъ, а затѣмъ увлекаютъ влѣво на гору въ теперешній Печерскъ, заставляють спуститься до Днѣпра и до Выдубецкаго монастыря, гдѣ вводятъ въ рядъ селеній, совершенно неизвѣстныхъ прежде: въ слободку Солоную Горку, слободу Свято-Озерскую, затѣмъ въ Звѣринецъ. Оттуда, поворачивая на западъ, знакомятъ съ Ямками, пока не приводятъ къ Лыбеди и не входятъ въ Нижне-Лыбедское село. Изъ этого села совершается путешествіе по Лыбеди и по склону горы къ Лыбеди. Предъ вами проходятъ Нижне и Верхне-Лыбедскіе Дворцы, Панковщина, Шулжинское подворье. Здѣсь мы вступаемъ на дорогу въ Бѣлогородку, доходимъ до Львовскихъ воротъ и подлѣ нихъ попадаемъ въ слободу Высшій Кудрявецъ. Отсюда начинается спускъ внизъ, къ Подолу. Составители описи показываютъ слободку Нижній Кудрявецъ и, наконецъ, приводятъ въ

село Плоское, гдѣ и заканчиваютъ трудное и продолжительное путешествіе ¹⁾).

Мнѣ остается совершить и съ читателями подобное же путешествіе, не всегда веселое и пріятное, но, быть можетъ, не бесполезное, слѣдуя тому же маршруту, а затѣмъ въ заключеніе сказать нѣсколько словъ о дѣятельности и характерѣ населенія пройденныхъ селеній вообще.

¹⁾ Для болѣе точнаго опредѣленія тѣхъ селеній, которыя находились въ 1766 году подъ самымъ Кіевомъ, привожу списокъ всѣхъ сель, входившихъ тогда въ составъ кіевской сотни. Я беру его изъ „экстракта, коликое число въ сотни кіевской состоитъ по ревизіи 1766 г. козачьихъ и посполитыхъ дворовъ“, приложеннаго къ описи. Это—1) *Кіево-Подоль*, 2) м. Триполье, 3) д. Злодѣвка, 4) с. Халены, 5) с. Витачевъ, 6) Черняховъ, 7) Веремѣи, 8) Жуковцы, 9) д. Козѣвка, 10) Долина Монастырская, 11) с. Красное, 12) д. Германовка, 13) Деревяная, 14) с. Койловъ, 15) *Слобода Вышній Кудрявецъ*, 16) *Шульжинское подворье и Панковщина*, 17) с. Жилины, 18) д. Малая Бугаевка, 19) с. Рославичи, 20) с. Янковичи, 21) д. Мархалевка, 22) д. Крушинка, 23) м. Бѣлогородка, 24) д. Бобрица, 25) с. Боярка, 26) Зазимье, 27) д. Погребы, 28) м. *Печерское*, 29) *Васильковскія Рогатки*, 30) *Печерскій Звѣринецъ*, 31) *Ямки*, 32) с. *Солоная Горка*, 33) с. *Свято-Озерская*, 34) с. *Нижне-Льбедское*, 35) *Выше-Льбедское*, 36) с. Хотовъ, 37) *Голосѣвская* пустынь, 38) с. Пирогово, 39) с. Новая Вета, 40) с. другая Вета, 41) д. Совки, 42) х. Козинъ, 43) с. Новые Безрадици, 44) д. Старые Безрадици, 45) м. Васильковъ, 46) Васильковскіе хутора, 47) с. Будаевка, 48) с. Кожуховка, 49) х. Любскій, 50) с. Романовка, 51) с. Кухмистерская, 52) м. Стайки, 53) с. Борцаговка, 54) с. Плесецкое, 55) д. Перевозная, 56) д. Сподарець, 57) д. Офирное, 58) с. Мотовиловка, 59) д. Боровая, 60) с. Салтановка, 61) х. Видлицы, 62) х. Которъ, 63) с. Мостище, 64) *Вышній Кудрявецъ и Крещатицъ*, 65) *Выше и Нижне-Льбедскіе Дворцы*, 66) с. Глеваха, 67) х. Вета, 68) д. Борцаговка, 69) д. Жарновка, 70) д. Заборья, 71) *Онуфріевская* пустынь, 72) д. Даниловка, 73) с. Даниловка, 74) д. Малютинка, 75) д. Еревка, 76) с. Круковщина, 77) с. Никольская, 78) с. Гатное, 79) с. Гвоздовъ, 80) д. Борцаговка, 81) *Вьдубицкій Звѣринецъ*, 82) х. Баграновъ, 83) с. Лѣсники, 84) *Межигорскій* монастырь, 85) с. Вышгородъ, 86) с. Новые Петровцы, 87) д. Старые Петровцы, 88) д. Борки.

I.

Кіево-Подоль представлялъ собою въ XVIII в. самую населенную часть Кіева. Составитель описанія Кіева 1784 года ¹⁾ насчиталъ здѣсь до 1926 домовъ, не малая часть которыхъ принадлежала мѣщанамъ. Эти послѣдніе были преобладающимъ элементомъ въ мѣстной жизни. Имъ, въ лицѣ представлявшаго мѣщанство городского магистрата, принадлежала на правахъ собственности значительная часть территоріи Подола, у нихъ же въ рукахъ была вся торговля и шинки. „Въ нижнемъ городѣ все мѣщане; хохлы все торговые люди; тутъ у нихъ и ратуша и ряды все, всякіе торги, а стрѣльцамъ въ нижнемъ городѣ не даютъ хохлы въ лавкахъ сидѣть: только всякіе на себѣ товары въ разность продаютъ“, читаемъ мы о Подолѣ въ разсказѣ извѣстнаго священника Лукьянова. Среди этой массы мѣщанства козацій элементъ совершенно терялся и исчезалъ и, повидимому, не могъ играть роли, имѣть вліянія.

И въ самомъ дѣлѣ, что представлялъ онъ собою въ описываемое время? Изъ всей массы подольскихъ домовъ лишь 45

89) д. Гуты, 90) с. Лютежь, 91) х. Горенскій, 92) х. Мощунскій, 93) х. Староселье, 94) с. Великая Бугаевка, 95) сл. Копачевъ, 96) с. Ханбековъ, 97) с. Великіе Дмитровичи, 98) с. Малые Дмитровичи, 99) с. Подгорцы, 100) с. Ходосовка, 101) х. Липицкій, 102) м. Бровары, 103) *дворъ Больницкаго монастыря*, 104) д. Мышеловка, 105) д. *Плоское*, 106) с. Борщаговка, 107) с. Креничи, 108) с. Обуховъ, 109) с. Воскресенское, 110) с. Нещеревъ, 111) сл. Гудимовка, 112) х. Зурновщина, 113) *сл. Нижній Кудрявецъ* и 114) хутора близъ Василькова и Бугаевки. Изъ этихъ селеній означенныя курсивомъ вошли въ составъ Кіева. Изъ нихъ пропала лишь опись с. Вышелыбедскаго. Изъ остальныхъ селеній сохранились описи лишь небольшого ихъ числа (именно: селеній подъ №№ 77, 102, 104 и 109), все остальные утеряны. Изъ 113 селеній, около 80 принадлежали монастырямъ. Всего во всехъ селеніяхъ насчитывалось 3596 дворовъ, 282 бездв. хаты, съ населеніемъ въ 28877 душъ обоюго пола (14564 мужеск. и 14313 женск.). Всей пахатной земли насчитывалось 38484 дна (около 28863 дес), сѣвкоской на 1769 скирдъ, рогатаго скота: воловъ 6494 и коровъ 6296, лошадей 3572, свиней 10903.

¹⁾ Сборникъ матеріаловъ для историч. топографіи Кіева II, 131.

считались козачьими ¹⁾. Но и изъ нихъ только 32 было собственно козачьими: 13 принадлежали козачьей старшинѣ ²⁾, т. е. сотнику, да сотеннымъ хорунжему, войсковому и значковымъ товарищамъ, писарю и т. д. Они образовывали войсковое начальство, командовавшее надъ козаками, число которыхъ доходило въ то время до самой ничтожной цифры. На дѣйствительной службѣ находилось тогда лишь 25 человекъ; остальные козачьи дворы были заняты либо козачьими вдовами, либо малолѣтними сыновьями умершихъ козаковъ. Козачье населеніе состояло всего изъ 114 душъ обоюга пола, изъ которыхъ муж. пола отъ 1 до 15 л. было 13, отъ 15 до 60—35, престарѣлыхъ 3, женскаго п. отъ 1 до 15 л.—26, до 60 л.—35, престарѣлыхъ—2.

Эта малочисленность козачьяго сословія шла рука объ руку съ крайнею экономическою его слабостью. Упадокъ этого класса населенія въ Кіевѣ былъ полный. Ничего напоминающаго въ экономическомъ отношеніи козачество лѣваго берега, владѣвшаго землями, занятаго земледѣліемъ или промыслами, не существовало у кіевскихъ козаковъ. Ни пахатной земли, ни лѣсовъ у нихъ не было. Ни одинъ изъ нихъ не занимался ни земледѣліемъ, ни какимъ-либо промысломъ или ремесломъ ³⁾. Даже бо-

¹⁾ Привожу перечень владѣльцевъ этихъ дворовъ, какъ матеріалъ для исторіи кіевского козачьяго управленія. Одинъ дворъ принадлежалъ сотнику Михаилу Гудимѣ, три—полковому асауду Павлу Гудимѣ; одинъ—полковому канцеляристу Ивану Гудимѣ; затѣмъ по одному двору находилось во владѣніи атамана городского Василя Блажевскаго, хорунжаго сотеннаго Елисаѣя Недѣльскаго, войсковаго товарища Данила Березовскаго, значковыхъ товарищей: Григорія Демяновича и сына священника Остапа Ломачевскаго и сотенваго писаря Павла Масловича. Сверхъ того держали козачьи дворы кіевскій возный Антовъ Чокало, козакъ, да абшитованный значковой товарищъ Григорій Голикъ.

²⁾ Румянцовская опись, кіевск. сотня № 5.

³⁾ Исключеніе составляли лишь два козака, одинъ—золотарь, а другой занимавшійся портняжествомъ, кравецкимъ ремесломъ, но онъ не былъ записанъ въ цехъ, и его ремесло, какъ видно, изъ описи, не давало ему никакого дохода.

лѣе: не смотря на то, что въ составѣ козачества было 19 мѣстныхъ уроженцевъ¹⁾, большинство не имѣло правъ собственности на усадьбы. Лишь 4 двора были козачьими, предковскими, остальные построены были на чужой землѣ, и козаки сидѣли на нихъ, уплачивая владѣльцамъ чиншъ. Правда, владѣніе было обезпеченное. Они могли даже продать усадьбу другому лицу, подъ условіемъ уплаты чинша собственнику, или купить ее подъ тѣмъ же условіемъ, какъ то видно изъ купчей 1763 г. Нѣкто гусарь хорватскаго гусарскаго полка продаетъ сотнику Гудимѣ дворъ свой съ строеніемъ, „на землѣ куничной магистратской состоящей, за якую землю ежегодно въ оной магистратъ платилось и платится должно куничныхъ денегъ по пять десять копеекъ“²⁾, и продаетъ за 200 р.³⁾. Но покупка обходилась не дешево, а съ другой стороны требовалось вносить ежегодно опредѣленную сумму денегъ, добыть которые для козака было нелегко. Усадьбы, занятыя козаками, принадлежали различнымъ владѣльцамъ. На землѣ магистратской сидѣло 6 козаковъ, на мѣщанской—1, на монастырской, принадлежавшей Кіево-Братскому и Кирилловскому монастырямъ—8, на церковной, составлявшей собственность разныхъ церквей—13⁴⁾, на земляхъ част-

¹⁾ Пришлыхъ было изъ Черниговщины—5, изъ Полтавщины—3 и Польской области—6.

²⁾ Купчая приложена къ описи. Румянцовск. опись, документы кіевской сотни.

³⁾ Изъ документовъ, приложенныхъ къ описи, видѣвъ размѣръ стоимости продаваемыхъ дворовъ съ постройками, все равно продавался ли дворъ на „вольной“ или „куничной“ землѣ. За одинъ дворъ вольный съ постройками заплачено въ 1700 г. 400 злотыхъ, т. е. около 200 р. Площадь двора означена въ купчей: 5396 квадрат. аршинъ. За другой—куничный, въ 1742 г.,—20¹/₂ р., за третій—вольный въ 1743 г.,—160 р.

⁴⁾ Именно 9 церквей: св. Николая, св. Василія, Добраго Николая, Покровской, Рождественской, Борисоглѣбской, Вознесенской, Воскресенской и Притискаго Николая. Этотъ одинъ фактъ, указываетъ на крайнюю разбросанность козачьихъ дворовъ: козаки видимо, не жили вмѣстѣ, одною слободою.

ныхъ лицъ—5¹⁾). Размѣръ годовой платы былъ различенъ и зависѣлъ отъ количества усадебной земли. Плата чинша колебалась отъ 20 к. до 2 р. 50 коп.. Но собственно козаки платили только отъ 20 к. до 1 р. Чиншъ свыше рубля платила мелкая старшина. Распредѣленіе этой чиншевой платы не лишено интереса: оно рисуетъ вполне ясно размѣръ средствъ козаковъ того времени, и потому привожу цифры. Чиншъ въ 20 коп. платилъ одинъ козакъ, отъ 25 до 50 к. платило 10 козаковъ, отъ 50 до 60—13, 80 к.—2, 90 к.—1.

Что дѣйствительно экономическое положеніе козаковъ было незавидно, это доказывается и рядомъ другихъ данныхъ. Ни въ одномъ дворѣ не было ни рогатаго, ни мелкаго скота. Лошадь, эта необходимая принадлежность козака, отсутствовала у весьма многихъ. По одной только лошади имѣли 12 человекъ. Съ другой стороны и обстановка была не блестящая. Не во всѣхъ дворахъ были хозяйственные постройки, амбары или сараи, не говоря уже о погребяхъ и ледникахъ, которыхъ почти ни у кого изъ козаковъ не было. Въ 5 дворахъ кромѣ избы не существовало никакихъ другихъ построекъ; съ одною хозяйственною постройкою—8, съ двумя—8, съ тремя—6, съ четырьмя—4, съ пятью—2. Лишь у одного былъ деревянный погребъ, да у одного при домѣ комната.

Главнымъ ресурсомъ являлся для козаковъ лишь сѣнокосъ, находившійся вверхъ по Днѣпру между Десною и Днѣпромъ, въ 15 верстахъ отъ Кіева²⁾, доставлявшій до тысячи копенъ сѣна и состоявшій въ общемъ ихъ владѣніи со старшиной. Но и этимъ сѣнокосомъ, который отведенъ былъ имъ по распоряженію гетмана Скоропадскаго въ 1713 году, имъ уда-

¹⁾ На земляхъ сотника ополчанскаго, Л. Быковского, сына священника и войсковаго канцеляриста, Ивана Гудимы, полковаго асаула Павла Гудимы, бунчуковаго товарища Савича.

²⁾ Это—острова Маркова Голова и Казинъ, которымъ учинено въ 1713 году ограниченіе такое: „зъ одного боку Десна, а зъ другой озеро, прозванное Осецкое, с третяго Алексеѣвъ переваль, изъ гори Десна, а знизу Днѣпръ“. Универсалъ гетмана Скоропадскаго 1713. Румянц. опись, докум. города Кіева.

лось окончательно завладѣть лишь съ 1760 года, въ силу новаго и рѣшительнаго предписанія гетмана Разумовскаго. Борьба изъ за него съ кіевскимъ магистратомъ обратилась въ XVIII в. въ хроническую. Кіевскіе мѣщане считали его своею собственностью и слышать ничего не хотѣли о какихъ-то правахъ на него козаковъ. Они „самовольно“, такъ жаловались не разъ казаки, „становятся станами и развѣшуютъ неводы, забываячи лозовіе колля, отъ чего лоза растеть, а сѣнокосъ пустѣеть и лозою зарастаетъ, такъ что впредь и прибыл получит съ оного мало можно“. Этого мало. Сильные своею численностью, мѣщане прибѣгаютъ и къ прямому насилию. „Когда сторожа козачая поставляется, чтобъ травы не крадено и сѣнокосу не пустошенно, то оную сторожу набѣгши магистрата кіевскаго урядники зъ слугами зъ того сѣнокосу прогоняють и горѣлку забирають, которая болшею частью тамо на сѣнокосѣ лѣтнего и сѣнокосного времени содержится для ихъ козачихъ надобностей и необходимыхъ нуждъ для косарей тѣхъ, кои тамо сѣно косятъ“. Козакамъ отъ того „чинится великое разореніе и неправда“. „Насъ лишаютъ“, повторяли они неустанно, „утвержденныхъ высочайшими указами козачихъ вольностей, напрасно и крайне разоряють, ибо не имѣя никакого утвержденія и ни отъ кого дозволенія, в находячияся озера уступають, также самовольно рыбу выловливаютъ“. А главное не даютъ продавать „горѣлку“, хотя острова находятся не подъ Кіевомъ, а „в двадцать верстъ разстояніемъ отъ оного“. Борьба за сѣнокосы приняла въ началѣ XVIII в., повидимому, весьма широкіе размѣры и вызвала вмѣшательство гетмана, назначившаго особую слѣдственную комиссію и поручившаго войсковому хорунжему, Ивану Сулимѣ, произвести розыскъ. Изъ розыска и разспроса старинныхъ людей обнаружилось, что оба сѣнокосные острова издавна принадлежали къ сотнѣ кіевской. Скоропадскій въ виду этого утвердилъ за козаками право ихъ на эти острова. Но въ глазахъ мѣщанъ все это не имѣло значенія, и борьба не прекратилась и послѣ выдачи козакамъ универсала. Въ 1760 году козаки вынуждены были обратиться вновь къ гетману Разумовскому, на этотъ разъ поддерживаемые въ своей жалобѣ

и полковой старшиной, въ лицѣ полковника Дарагана. Гетманъ, руководясь тѣмъ же мотивомъ, какъ и его предшественникъ, а именно, что кіевскіе козаки отличаются своимъ „убожествомъ“ и противъ „протчихъ въ малой Россіи жительствоющихъ козаковъ никакихъ грунтовъ и угодій в себѣ не имѣють“, подтвердилъ право козаковъ на сѣнокосъ и предписалъ магистрату не чинить имъ впредь никакихъ утѣсненій. Но насколько пользы принесло козакамъ владѣніе сѣнокосомъ, какую долю изъ тысячи копенъ получали они и какую сотенная старшина и сотникъ Гудимъ,—этого къ сожалѣнію мы не знаемъ.

Понятно, что эта экономическая необеспеченность козаковъ, отсутствіе у нихъ пахатныхъ земель и промысловъ, необходимо должны были побуждать ихъ искать какихъ-либо заработковъ во чтобы то ни стало. Заниматься торговлею было трудно; для этого нуженъ былъ капиталъ, да и торговля составляла монополію мѣщанъ. Оставалось шинкованіе, и къ нему обратились козаки, какъ къ единственному ресурсу. То была въ то время и ранѣе наиболѣе прибыльная статья. Всѣ жители Кіева стремились къ ней: фабрикація водки и напитковъ являлась главною и, можно сказать, единственною формою производства, существовавшаго въ Кіевѣ. Не могли не поддаться общему настроенію и козаки, тѣмъ болѣе, что они привыкли смотрѣть на винокурение, какъ на свободную профессію и право вольнаго козачества. Они упорно стояли всегда на томъ, что въ пунктахъ новопрішедшаго подъ російскую державу гетмана Богдана Хмельницкаго всѣ эти вольности даны и кіевскимъ козакамъ. Развѣ они не такъ же, какъ и прочіе козаки, служатъ во всѣхъ походахъ и притомъ на своемъ коштѣ безъ жалованья, развѣ поэтому и они не могутъ курить вино и шинковать? А у нихъ въ добавокъ нѣтъ ни земель, ни другихъ угодій, и они видятъ, что и монастыри, и другія лица то строятъ винокурни и бровары, то заводятъ шинки. Но на этомъ пути къ изысканію средствъ стояло для нихъ неодолимое препятствіе: продажа хлѣбнаго вина „квартами и чарками въ шинкахъ“ составляла привилегію кіевского магистрата, за пользованіе которою послѣдній уплачивалъ въ казну ежегодно по 600 р. и обязанъ былъ нести въ добавокъ

и разнаго рода натуральныя повинности. Уступать право исключительнаго шинкованія кому бы то ни было магистратъ и мѣщане и не думали, и не желали. Если они накладывали свою руку даже на продажу муки, воспрещали то тому или иному монастырю, то другимъ лицамъ покупать на подольскихъ базарахъ ржаную муку,—на что они не имѣли права, то тѣмъ съ большею энергіею защищали свое безспорное право. Экономическая борьба за существованіе въ буквальный смыслъ этого слова была неизбѣжна, и между мѣщанами и козаками, занимавшимися корчемствомъ, и „неуказнымъ на подступъ мѣсту шинкованіемъ горѣлкою“, она и не прекращалась въ теченіе почти всего XVIII в. Мы видѣли уже, что борьба эта велась даже на удаленныхъ на значительное разстояніе отъ Кіева мѣстахъ. Еще болѣе ожесточенною была она въ самомъ городѣ, гдѣ она создала длиннѣйшій мартирологъ „боевъ и дракъ“, „увѣчий“ и поврежденій тѣлъ, лицъ, смертоубійствъ и т. п., мартирологъ, небольшую часть котораго изобразилъ г. Андріевскій въ своихъ „историческихъ матеріалахъ“. Въ самый почти моментъ составленія описи и не смотря на существованіе грозныхъ приказовъ, публикуемыхъ неоднократно съ барабаннымъ боемъ, о нещадномъ сѣченіи плетями за корчемство, велось дѣло „о явнихся на Подолѣ въ неуказанномъ шинкованіи виномъ сотни кіевской козакъ Филиппъ Окуиѣ и прочихъ“.

Но корчемство все таки являлось дѣломъ опаснымъ, и доходъ съ него случайнымъ. Въ выигрышъ въ концѣ концовъ были не козаки, а козачья старшина, обладавшая и бѣльшими экономическими средствами, и бѣльшею силою, вѣсомъ и значеніемъ, чѣмъ простые козаки, и потому смѣлѣе дѣйствовавшая. Козакамъ оставалось при такихъ условіяхъ являться лишь пособниками старшины и питаться крохами. И въ самомъ дѣлѣ, ни у одного изъ козаковъ опись не отмѣчаетъ существованія не только шинковъ, но даже и простыхъ солодовень для дозволенной варки меду или броваровъ для пива. Не то въ отношеніи старшины.

Еще дѣдъ полковаго асаула Павла Гудима, Петръ Левковичъ, простой мѣщанинъ подольскій, пріобрѣлъ въ 1666 году

у задолжавшагося своего собрата „пляць охрѣмовскій, тутъ же в мѣстѣ кіевскомъ над берегомъ реки Днѣпра лежачій... зъ будынкомъ: избою, сѣнцами, свѣтлицею, комнатою, сѣнникомъ и лазнею“. Его потомки прикупили въ 1728 году пляць, лежавшій подлѣ указаннаго двора, на улицѣ, идущей вдоль берега къ Ильинской церкви, и мѣсто дворовое на мостовой большой улицѣ. Полковой асаулъ, Павелъ Гудимъ, умножилъ въ первомъ дворѣ, гдѣ онъ держалъ одного рабочаго за 2 р. въ годъ и двухъ работницъ за пропитаніе и одежду, число хозяйственныхъ построекъ, прибавивши къ прежнимъ одну людскую, два амбара и сарай, а на двухъ послѣднихъ устроилъ шинки. Въ обоихъ шинкахъ шла бойкая продажа питей, продававшихся гарницами. Матеріаль покупался, но водка производилась домашними средствами, и продажа доставляла Гудиму ежегодно чистаго дохода 40 р. (360 р¹⁾). Въ шинкахъ сидѣли шинкари, козакъ изъ Хорола съ семьею въ одномъ, уроженецъ польской области въ другомъ и тоже съ семьею и работницей, получавшіе вѣроятно такъ же какъ и монастырскіе шинкари, десятину отъ продажи водки.

Еще лучше поступилъ кіевскій сотникъ, извѣстный въ исторіи кіевского шинковаго дѣла, Михайлъ Гудимъ. Въ селѣ Плескомъ, подлѣ Кіево-Подола, на землѣ, принадлежавшей Кирилловскому монастырю, онъ соорудилъ цѣлый дворъ, съ спеціальною цѣлью спекулировать водкой. Правда, ему приходилось платить монастырю за землю куничныя въ размѣрѣ 3 р. Но что значилъ этотъ расходъ при ожидаемыхъ и несомнѣнныхъ барышахъ, во много разъ превышавшихъ чиншъ.

Повидимому, предпріятіе это было задумано и выполнено не задолго до описываемаго времени, потому что опись говоритъ о дворѣ, какъ о чемъ то новомъ, недавно воздвигнутомъ. А дворъ былъ выстроенъ солиднымъ образомъ. Въ дворѣ стоялъ деревянный домъ о двухъ чистыхъ комнатахъ съ „пекарней“ и людской тутъ же напротивъ въ одной связи. Кругомъ него возвы-

¹⁾ Мы принимаемъ, слѣдуя г. Ключевскому, тогдашній рубль равнымъ 9 руб. нынѣшнимъ. См. статью его о русскомъ рублѣ въ Читеніяхъ М. О. И. и Др., 1884 г. № 1.

шался рядъ прочно выстроенныхъ хозяйственныхъ строеній: три амбара, рубленая новая конюшня, сарай и рубленный погребъ,—обстановка, по тому времени превосходившая средній уровень зажиточности. Но не въ ней была сила. Красу двора представляла винокурня, задуманная въ широкихъ размѣрахъ. Она была о 6 котлахъ, давала ежегодно 1200 ведеръ водки, сбываемой и въ Кіевѣ, и въ другія мѣста, но требовала немалыхъ расходовъ. Нужно было покупать дрова и хлѣбъ, какъ въ Кіевѣ; такъ и за границей⁴, т. е. въ Польшѣ, а затѣмъ держать цѣлый штатъ рабочихъ и прислуги, который обходился недешево. Винокуреніе давало тогда хорошіе барыши, и уровень заработной платы по винокурению стоялъ выше той, которую платили обыкновеннымъ рабочимъ. Требовался винокуръ, и ему пришлось платить по 25 коп. (2 р. 25 к. совр) ежедневно, да еще и кормить. Затѣмъ нужно было держать семь человекъ рабочихъ и прислуги, изъ которыхъ два получали по 8 р. въ годъ на хозяйскихъ харчахъ, одинъ—7 р. съ харчами хозяйскими; одинъ работалъ по денно и получалъ по 5 коп. Двѣ работницы, находившіяся при дворѣ, были наняты на годъ за 2 р. и 1 р. 20 к. на платьѣ и пицѣ хозяйской¹). И тѣмъ не менѣе, не смотря на всѣ расходы, предпріятіе было настолько выгодно, что не только покрывало все, но и доставляло Гудиму 50 р. (около 450 совр) ежегоднаго чистаго дохода. Сверхъ того, онъ могъ держать при винокурнѣ и выкармливать 19 воловъ, 30 свиней, 3 коровы, 5 телятъ и 5 лошадей.

Въ какомъ положеніи находилась мелкая сотенная старшина, т. е. атаманъ, хорунжій, значковые товарищи и писарь,—мы не знаемъ: опись не даетъ на это прямыхъ указаній. Но врядъ ли и ихъ положеніе было особенно блестящее. Они вышли изъ рядовъ простыхъ козаковъ,—одинъ изъ нихъ, напр., еще козакъ съ 1766 г., сдѣланъ былъ тотчасъ по окончаніи

¹) Рабочіе были народъ пришлый: козакъ изъ черниговскаго полка (1), козакъ прилуцкій (1), посполитые польской области (3), посполитый переяславскаго полка, онъ же и винокуръ, Мосціпаненко (1). „Жена“ работница была родомъ изъ Сумъ, а „девка“ работница изъ Чернигова.

описи значковымъ товарищемъ,—и, естественно, мало чѣмъ отличались отъ остальныхъ козаковъ.

Такъ, у атамана городского, живнаго на церковной землѣ, за которую онъ платилъ чинша 90 к., было въ дворѣ всего двѣ избы, да одинъ амбаръ, да погребъ и рубленая конюшня („стайня“), и если онъ чѣмъ отличался отъ простыхъ козаковъ, то развѣ тѣмъ, что держалъ работника за 4 р. въ годъ и работницу, которой платилъ по 2 р. У хорунжаго Недѣльскаго, сидѣвшаго на монастырской землѣ, было 2 избы и 4 хозяйственныхъ постройки, въ томъ числѣ одинъ ледникъ, и онъ также какъ и атаманъ держалъ двое слугъ. Въ томъ же родѣ былъ и писарь, жившій впрочемъ на болѣе обширномъ по размѣрамъ дворѣ, за который онъ платилъ Леонтію Быковскому по 2 р. 50 к. ежегодно; но и онъ имѣлъ лишь тѣ же 2 избы, да 3 хозяйственныхъ постройки. Оба значковые товарища ничѣмъ не выдѣлялись изъ среды козаковъ.

II.

*Крещатикъ*¹⁾. Въ XVIII в Подоль обанчивался, такъ же какъ и въ наше время, у самой подошвы Александровской горы, и церковь Рождества Христова представляла собою конечный пунктъ „нижняго города Подола“. Начиная отсюда, все пространство земли, вверхъ до Царскаго сада и затѣмъ по склонамъ горъ вдоль до городской стѣны, окаймлявшей Михайловскій монастырь и Старый или верхній городъ, т. е. нынѣшній Александровскій спускъ и Крещатикъ, находилось внѣ города и было настоящимъ пустыремъ, заросшимъ въ большей своей части лѣсомъ. У подошвы той части городской стѣны, гдѣ существовали тогда Печерскія ворота, разстилалась узкая и длинная долина. То былъ нынѣшній Крещатикъ, состоявшій изъ главной долины и ряда боковыхъ: Евсейковой (гдѣ теперь даются спектакли драматическаго общества), Александровской (у подошвы горы, по которой стоитъ государственный банкъ, и т. д.).

¹⁾ Румянц. опись, „кіевск. сотня, № 40.

Склошь горы къ Подолу, также и берегъ рѣки съ пристанью, составляли въ XVIII в. одно цѣлое, носили одно общее названіе Крещатика, Крещатицкой земли, Крещатицкой пристани.

Небольшая тропинка, превращенная въ проѣздную дорогу лишь въ началѣ XVIII в. и идущая по теперешнимъ Александровскому спуску и Александровской улицѣ, служила единственнымъ путемъ, соединявшимъ Подольскій съ Печерскимъ. Здѣсь по пути къ Печерску она тянулась параллельно другой тропинкѣ, такъ называемой Старой Ивановской дорогѣ (нынѣ Институтской), связывавшей чрезъ Печерскія ворота Старо-Кіевскую и Печерскую крѣпости. Соединительной связи между ними не было. Крещатикъ въ этомъ мѣстѣ былъ несомнѣннымъ пустыремъ. Лишь у подошвы горы, при самомъ началѣ подъема съ Подола на Печерскъ, одно время стали было селиться бѣднѣйшіе жители Кіева. Къ 1745 году здѣсь, повидимому, успѣло образоваться цѣлое поселеніе, состоявшее изъ хатокъ, занимавшихъ каждая небольшой клочекъ земли съ платою по 10 к. чиншевыхъ или куничныхъ денегъ¹⁾. Но обвалы горы сдѣлали невозможнымъ дальнѣйшее существованіе поселка. Хаты спесены еще до 1745 года, и когда въ 1754 г. возникло дѣло о починкѣ Крещатицкаго взвоза, то оказалось, что „жилыя здѣсь ничьего нѣтъ“, какъ нѣтъ его и близъ вала Старо-Кіевской крѣпости²⁾.

Мѣстность эта принадлежала въ 1766 году, какъ кажется, только двумъ владѣльцамъ, двумъ кіевскимъ монастырямъ: Михайловскому и Кієво-Пустынно-Николаевскому. Я говорю: какъ кажется, такъ какъ споры между монастырями и кіевскими мѣщанами за эту землю были нерѣдки, и въ 1746 году велось, напр., дѣло о Крещатицкой землѣ между кіевскими мѣщанами и Михайловскимъ монастыремъ³⁾. Изъ грамотъ, выданныхъ Михайловскому монастырю, равно и изъ показаній старожиловъ, показаній, данныхъ ими во время веденія только что упомянутаго дѣла, представляется возможнымъ до извѣстной степени

¹⁾ Андріевскій, III, 104.

²⁾ Ibid., VII, 94.

³⁾ Сборникъ матеріаловъ для историч. топографіи Кіева, III, 15—16.

опредѣлить границы владѣній Михайловскаго монастыря. Его владѣніе начиналось съ Евсейковой долины, шло долиною Крещатика и подгорьями, лежавшими у городской стѣны, затѣмъ спускалось по Крещатицкому взвозу и оканчивалось у берега р. Днѣпра противъ Рождественской церкви. Гораздо труднѣе указать ту мѣстность на Крещатикѣ, которая составляла собственность Пустынно-Николаевскаго монастыря. Въ грамотахъ, выданныхъ ему, нѣтъ прямыхъ указаній на Крещатицкую землю. Въ грамотѣ 1518 года говорится о нивѣ долгой, лежащей по лѣвой рукѣ, если въѣхать въ монастырь, и затѣмъ о другой, уступленной Лаврою и находящейся на пути къ Лыбеди и на правой и на лѣвой сторонѣ пути. Въ румянцевской описи не сохранилось описанія кіевскихъ маестностей Пустынно-Николаевскаго монастыря. Между тѣмъ имѣющаяся у меня „опись подробная дѣлу Кіево-Пустынно-Николаевскаго монастыря о содержаніи по контрактамъ... разными Кіево-Подольскими мѣщанами хуторовъ и винокурныхъ заводовъ съ 1725 по 1786 годъ“ прямо говоритъ о томъ, что эти хутора и винокурни устроены „на монастырской, прозываемой Крещатицкой землѣ, въ городѣ Кіевѣ надъ рѣкою Днѣпромъ противъ Печерскаго форштата лежащей“. Одно дѣло, возникшее 9 мая 1765 года, о порчѣ виноградника и огорода двумя неизвѣстными лошадьми, забравшимися въ Царскій садъ, даетъ нѣкоторое лишь слабое указаніе на этотъ счетъ. Мѣщанинъ, лошади котораго причинили вредъ саду, объяснилъ, что онъ всегда пасъ ихъ на монастырской землѣ, „въ дачахъ Пустынно-Николаевскаго монастыря“, смежной съ Царскимъ садомъ, и что въ этотъ разъ паслись они близъ Крещатицкой пристани на землѣ того же монастыря¹⁾. По всей вѣроятности, во владѣніи монастыря находилась полоса земли, начиная отъ Днѣпра чрезъ взгорье, гдѣ теперь находится заведеніе минеральныхъ водъ, и кончая Александровскою долиною и взгорьемъ, къ старой Ивановской дорогѣ.

На землѣ Михайловскаго монастыря, почти у самаго Подола, была нѣкогда выстроена казенная австерія и бровари съ

¹⁾ Дѣло о постройкѣ Кіевского дворца, ркп. университетской бібліотеки.

солодовней, погребами и амбарами¹⁾. Существовала ли она въ 1766 году, неизвѣстно. Но еще въ 1745 Михайловскій монастырь, опираясь на жалованной грамотѣ на Крещатицкую землю, а также и на универсалѣ Мазепы, разрѣшившаго, какъ увидимъ, монастырю держать шинокъ, задумалъ воспользоваться принадлежавшею ему земельной собственностью въ видахъ снабженія своими напитками устроенныхъ имъ шинковъ. Тогда же приступилъ онъ къ постройкѣ бровара, воскобойни и винокурни. Но въ виду возникшаго дѣла съ мѣщанами о Крещатицкой землѣ, а также и указа императрицы Елисаветы, воспрещавшаго „какъ духовнымъ, такъ и мирскимъ всякаго чина людямъ, виѣ и внутрѣ города Кіева живущимъ, никому никакимъ путемъ отнюдь не шинковать и продажи не имѣть“, дальнѣйшая постройка по распоряженію губернатора Леонтьева была приостановлена. Какъ и какимъ образомъ монастырю удалось устранить это предписаніе, намъ не извѣстно. Но къ 1766 году постройка была кончена, и производство шло полнымъ ходомъ. Въ это время „въ Кіево-Подолѣ на Крещатику“ стоялъ „ветхой пивоварной монастырской дворъ“ съ 2 хатами, баней съ избой, коморой и сараемъ. Въ немъ существовали: пивоварня, въ которой варили пиво изъ собственного солоду, а затѣмъ и винокурня. Последняя была выстроена на 3 котла, давашіе ежегодно 12 куфъ водки, вмѣстимостью каждая куфа въ 40 ведеръ, всего 480 ведеръ. Куреніе производилось и изъ собственного монастырскаго, и изъ покупнаго на кіевскомъ базарѣ хлѣба. Какъ велика была дѣятельность завода, видно изъ того, что въ одномъ только октябрѣ 1766 г. монастырь купилъ для завода 36 четвертей хлѣба. При винокурнѣ монахи держали на бардѣ 32 свиньи. Главнымъ надсмотрщикомъ на заводѣ былъ назначенный отъ монастыря монахъ.

Съ своей стороны не отставалъ въ столь важномъ для Кіева и почти единственномъ въ то время производствѣ и Пустынно-Николаевскій монастырь. На Крещатицкой же землѣ, но гдѣ и когда, не видно изъ дѣла, былъ выстроенъ монасты-

¹⁾ Андріевскій, Матер., III, 89: дѣло о крещатицкой землѣ.

ремь и собственный винокуренный заводъ. Съ 1751 года монастырь по неизвѣстнымъ намъ причинамъ пересталъ завѣдывать имъ и счелъ болѣе выгоднымъ для себя сдать его въ аренду мѣщанину Гриневичу, который обязался уплачивать монастырю ежегодно по 18 р (162 р).

Но то былъ не единственный винокуренный заводъ, стоявшій на этой землѣ. Кіевскіе мѣщане и купцы уже давно обращались къ монастырю съ просьбами объ отводѣ имъ земли подъ заводы и эксплуатировали свои заведенія весьма усерднымъ образомъ. Мало-по-малу здѣсь возникъ рядъ заводовъ, какъ кирпичныхъ и кожевенныхъ, такъ и винокуренныхъ. Первыхъ впрочемъ было только два: одинъ, основанный еще въ 1725 году, другой (кожевенный) въ 1753 г. Гораздо больше было винокурень: съ 1725 по 1766 годъ было основано разными лицами 14 винокурень¹⁾. Послѣ того, до 1778 г., прибавилось 8 винокурень и одинъ кирпичный заводъ.

Дѣятельность винокурная, повидимому, расширялась все болѣе и болѣе, и спросъ на землю былъ настолько значителенъ, что монастырь сталъ подымать плату за землю. Въ началѣ платили только за землю такъ называемыя куничныя въ размѣрѣ 2 р. за 100 кв. сажень. Въ сороковыхъ годахъ ее увеличили до 3 р. А съ пятидесятыхъ уже взимали отдѣльно куничныя деньги, отдѣльно—съ котла. Куничныя остались въ томъ же размѣрѣ, т. е. 3 р., съ котла же стали платить по 1 р., если они были ординарные, и по 2 р. съ двойныхъ. Монастырь зорко слѣдилъ за винокурнями и строго взыскивалъ арендныя деньги. Ежегодно являлся повѣренный отъ монастыря, монахъ, который и производилъ провѣрку. Арендаторы обязаны были почти ежегодно возобновлять контракты съ монастыремъ. Насколько быстро шло развитіе здѣсь винокуренія, можно заключить изъ того, что нерѣдко образовывались компаніи для устройства заводовъ въ болѣе широкихъ размѣрахъ. Въ 1765 г., напр., два мѣщанина, образовавшіе

¹⁾ Я привожу счетъ винокурень, руководясь лишь перечисленными въ описи контрактами. Изъ описи видно, что существовалъ списокъ всѣхъ винокурень, но самого дѣла у меня нѣтъ. Оно находится, вѣроятно, въ архивѣ кіевской Казенной Палаты.

такую компанію и имѣвшіе каждый свою винокурню, устраиваютъ на монастырской землѣ, полученной ими отъ монастыря вдобавокъ къ той, которая была у нихъ уже въ пользованіи, новую и просятъ монастырь не взыскивать съ нихъ аренды за землю въ виду предпринятой ими полной перестройки завода.

Въ первое время основывались лишь одни винокурни. Жилыя при нихъ не было, и только при одномъ былъ хуторъ, основанный съ винокурней въ 1758 г. Но послѣ 1766 г., въ особености же съ 1769 г., все чаще и чаще попадаются контракты на винокурню и на жилыя помѣщенія и дома, состоящіе при заводѣ. Фраза: „жилой домъ съ винокурней“ становится обыкновенною.

Винокурни нерѣдко переходили изъ рукъ въ руки. Перемѣщеніе заводовъ, насколько можно судить изъ описи, представляетъ слѣдующую картину: изъ 14 винокурень, существовавшихъ по 1766 годъ, до этого года въ другія руки перешла лишь одна. Послѣ 1766 г. и по 1778 г. изъ тѣхъ же 14 винокурень уже пять перемѣнили владѣльцевъ. Большинство владѣльцевъ были изъ мѣщанъ и малороссовъ, всего 4 принадлежали къ великороссійскимъ людямъ (Ноздринъ, Стефанищевъ и т. д), одинъ былъ изъ числа священниковъ (іерей Клявѣнскій).

III.

Мѣстечко Печерское было въ разсматриваемое время совершенно новымъ поселеніемъ, не смотря на свою весьма почтенную древность. То было результатомъ постройки заново Печерской крѣпости въ 1707—16 году, произведшей полный переворотъ въ этой части Кіева. Земли, которыя принадлежали Лаврѣ, и на которыхъ сидѣли ея подданные, были отняты подъ крѣпость, и все населеніе прежняго мѣстечка, такъ же, какъ и лавки и проч., пришлось перенести либо на новыя мѣста, либо занять земли существовавшихъ уже поселеній. Вслѣдствіе этого возникаетъ вмѣсто одного прежняго мѣстечка цѣлый рядъ поселеній:

собственно Печерское мѣстечко, дворы, называемые Васильковскіе Рогатки, слободка Солоная Горка, слободка Свято-Озерская и т. д.

Когда по приказу Петра Великаго приступили къ сооруженію крѣпости, мѣстечко Печерское ¹⁾ представляло такой видъ: въ поселеніи, по заявленію архимандрита Лавры, было подданныхъ монастырскихъ чиншевыхъ, которые имѣли торговые промыслы, 500 дворовъ, съ нихъ окладу 2000 р., ординарныхъ крестьянъ черной работы 390 дворовъ съ окладомъ въ 390 р., слугъ монастырскихъ для посылокъ и прочаго послушанія—65, итого 955 дворовъ. Послѣ переселенія вотъ что случилось съ жителями стараго мѣстечка, только частью переселившимися въ новое мѣстечко Печерское. „Гдѣ нынѣ“, пишетъ архимандритъ Сенятовичъ въ 1719 году, „крѣпость своимъ въ ней строеніемъ и аммунициею zostаетъ и где великороссійскіе люди населившіеся живутъ,... подданные монастырскіе бывали. А нынѣ развѣ десятая часть онаго множества бывшаго подданныхъ обряцется, изъ которыхъ многіе, не имѣючи себе за недостатокъ и убожество никакихъ промысловъ, для единого того в мазанкахъ и землянкахъ живутъ, которые с монастыря и хлебомъ питаютца, а монастырю никакихъ противъ прежняго податей не выстачають“ ²⁾. И онъ проситъ, чтобы было послано въ м. Печерское довѣренное лицо, которое сдѣлало бы опись всѣхъ въ м. Печерскомъ „zостающихъ монастырскихъ подданныхъ, такъ и угодия ихъ“. Исполнено ли было это требованіе Лавры, не извѣстно. Но въ 1766 г. была составлена наконецъ, хотя и для другихъ цѣлей, опись, и можно уже по ней видѣть, въ какомъ состояніи находились жившіе здѣсь монастырскіе подданные.

Собственно мѣстечко Печерское было перенесено на юго западъ отъ первоначальнаго своего мѣста, противъ Пустынно-Николаевскаго монастыря, на гору вдоль долины, образуемой кловскимъ ручьемъ. Въ 1766 г. оно приобрѣло сравнительно значительные размѣры и состояло изъ 6 большихъ профзжихъ

¹⁾ Румянц. описи, кіевская сотня подь № 58.

²⁾ Андріевскій, VII, 16—17.

улицъ и 8 малыхъ. На нихъ расположено было 62 посполитскихъ двора и нѣсколько дворовъ монастырскихъ, для послушниковъ и слугъ. Все населеніе подданныхъ дворовъ состояло изъ 304 человекъ, въ томъ числѣ мужеск. п. отъ 1 до 15 л.—48, отъ 15 до 60 л.—80, свыше 60 л.—16, женск. п. отъ 1 до 15 л.—61, отъ 15 до 60—83, свыше 60 л.—14. Если прибавить къ этому рабочихъ и послушниковъ, жившихъ въ монастырскихъ дворахъ, всего 27 чел. обоего пола, то все населеніе мѣстечка выразится въ цифрѣ 348 чел., цифрѣ, весьма далекой отъ той, какая приведена выше. Лишь 20 лѣтъ спустя населеніе мѣстечка значительно возросло: изъ ревизскихъ сказокъ 1785 г. видно, что лаврскихъ крестьянъ на Печерскѣ насчитывалось до 263 м. и 231 ж., т. е. до 494 человекъ.

Въ моментъ основанія мѣстечка положеніе дѣлъ было несомнѣнно значительно худшее, и что это такъ, въ томъ убѣждаетъ насъ составъ населенія въ 1766 году. Въ самомъ дѣлѣ, изъ 62 дворовъ только 40 было такихъ, въ которыхъ сидѣли подданные монастырскіе мѣстные уроженцы. Остальные были населены пришлыми людьми, поступившими въ подданство монастырю лишь въ сравнительно недавнее время: изъ Польской Области было 21, изъ Черниговщины—6, изъ Полтавщины—6, изъ Слободской Украины—2, наконецъ одинъ былъ „волоской націи“.

Къ мѣстечку, построенному на монастырской землѣ, Лавра приписала пахатную песчаную землю, находившуюся въ 2 верстахъ отъ Кіева, мѣрою на 50 дней ($37\frac{1}{2}$ дес), но негодную для хлѣбопашества; затѣмъ громадный выгонъ на р. Лыбеди, мѣрою въ окружности верстъ на 7, и 2 сѣнокоса въ 8 верстахъ отъ Кіева на 5 и 6 тысячъ копенъ; наконецъ, 2 мельницы на Лыбеди въ 3 верстахъ отъ Кіева, одна на 4, другая на 2 камня. Но всѣ эти „принадлежности“ не находились въ пользованіи посполитыхъ, подданныхъ Лавры, а лишь ея самой.

Три двора монастырскіе находились въ мѣстечкѣ: два, населенные послушниками и работниками, и одинъ, стоявшій впускъ. Постройка ихъ обошлась Лаврѣ сравнительно немного: всего 600 р. Только въ одномъ былъ построенъ домъ о 3 гос-

подскихъ покояхъ, въ остальныхъ были людскія и затѣмъ рядъ хозяйственныхъ построекъ¹⁾).

Но если здѣсь, въ устройствѣ своихъ дворовъ, Лавра не обнаружила особенной щедрости, то иное дѣло было относительно другого двора, находившагося подлѣ мѣстечка, въ небольшомъ разстояніи отъ него, на Кловѣ. Я говорю объ известномъ кловскомъ лаврскомъ дворѣ съ шелковичнымъ садомъ. Въ немъ сооруженъ былъ громадный по тому времени каменный домъ, заключавшій въ себѣ 20 комнатъ; затѣмъ построены были и деревянный флигель въ 5 комнатъ. Однихъ людскихъ было настроено 20. Все было рассчитано на широкую барскую погу. За то хозяйственныхъ построекъ было немного: всего 2 амбара для поклажи, 2 сарая, 2 конюшни и 1 погребъ. При домѣ находилась и деревянная старая церковь во имя Положенія Ризы Пресв. Богородицы. Стоимость постройки была значительна и для того времени: всѣ сооруженія обошлись Лаврѣ въ 20 тысячъ рублей.

Сверхъ того въ самомъ мѣстечкѣ въ рукахъ Лавры находились наиболѣе доходныя въ то время статьи. На каждой изъ 14 улицъ для потребъ мѣстныхъ жителей и пріѣзжихъ на ярмарки Лавра держала по одному шинку. Одна улица не въ правѣ были завидовать другой, и каждая выпивала свободно, покупая вино и ведрами, и квартами, и чарками. А выпивалось не мало. Во время ярмарокъ, собиравшихся въ Кіевѣ, Лавра скупала привозимую „разныхъ чиновъ людьми“ водку, видимо, на большую сумму, такъ какъ на одни печерскіе кабаки отдавала 241 куфу, т. е., считая куфу въ 40 в., 9640 ведеръ или по 688¹ 2 ведеръ на шинокъ. Приобрѣтая такое количество водки, Лавра не бывала въ убыткѣ: печерскіе шинки давали ей доходъ въ 3342 р., т. е. 30 в. съ небольшимъ на ведро.

Посмотримъ теперь, въ какомъ положеніи находились Лаврскіе поданные.

Несомнѣнно, что среди всѣхъ поселеній, окружавшихъ Кіевъ, мѣстечко рѣзко выдѣлялось своимъ характеромъ. Въ немъ

¹⁾ 7 амбаровъ, 8 сараевъ, 2 конюшни и 1 погребъ.

не было уже ни малѣйшихъ слѣдовъ земледѣльческаго поселенія. Лавра отвела своимъ поданнымъ лишь однѣ усадьбы; ни пахатью, ни сѣнокосомъ они надѣлены не были, и если все таки они обязаны были панщиною по 4 дня въ недѣлю, по одному человѣку отъ двора, то эту панщину они отбывали каждый помощью того ремесла, которымъ они занимались, либо дворовыми услугами, шинкарствомъ и т. д. Мѣстечко сдѣлалось почти городомъ по характеру занятій жителей. Большинство населенія состояло изъ ремесленниковъ, занятыхъ самыми разнообразными ремеслами, разумѣется, въ большей части случаевъ необходимыми для монастырскихъ надобностей. Разсматривая съ этой стороны составъ населенія, мы находимъ среди занятыхъ ремеслами 8 человѣкъ, занимавшихся переплетнымъ искусствомъ. Изъ нихъ 3 были обставлены сравнительно лучше: у одного было 3 ученика, у другаго—3 работника, получавшихъ отъ хозяина по 25 к. въ недѣлю на хозяйскихъ харчахъ, и у третьяго—одна работница; затѣмъ 5 сапожниковъ, 3 портныхъ (одинъ съ однимъ рабочимъ за 40 к), 3 иконописца (одинъ съ 2 рабочими), 2 „друкера“, работавшіе въ лаврской типографіи за панщину, наконецъ по одному золотыхъ дѣлъ мастеру, по одному серебрянныхъ и по одному ткачу. Былъ и „чоботарь“, повидимому, заваленный работой, такъ какъ онъ держалъ 2 рабочихъ, изъ которыхъ одного анималъ за 6 р. въ годъ, а другаго за одежду и пищу. Часть поданныхъ занялась торговлей; въ шинкахъ сидѣло 8 монастырскихъ поданныхъ, получавшихъ каждый въ свою пользу десятое ведро изъ проданной водки, что равнялось почти 15 р. въ годъ. Одинъ держалъ мясную лавку, другой посвятилъ себя мелочному торгу (масломъ, саломъ и проч), третій добывалъ средства къ жизни, занимаясь операціями съ дегтемъ. Почти всѣ они несли панщину своимъ ремесломъ или занятіемъ, и лишь одинъ сверхъ того обязанъ былъ и личнымъ четырехдневнымъ трудомъ. Что касается остальныхъ, то пять изъ нихъ работали въ Лаврѣ, кто какъ сторожъ (2), кто какъ поваръ монастырскій (1), кто какъ дьячокъ (1) или просто слуга, „въ боярской должности“. 25 не имѣли никакихъ опредѣленныхъ занятій, не знали ни ремесла, ни промысла и жили съ заработковъ, поден-

ной работой. Пять было освобождено отъ панщины, одинъ откупался отъ нея, уплачивая монастырю 2 р. въ годъ, 19 работали неукоснительно по 4 дня въ недѣлю.

Трудно рѣшить вопросъ, насколько были всѣ они обеспечены. Опись не даетъ прямыхъ указаній для этого. Но судя по тѣмъ косвеннымъ даннымъ, какія имѣются въ описи, мы врядъ ли ошибемся, если признаемъ экономическое положеніе населенія мѣстечка почти нищенскимъ. Въ самомъ дѣлѣ, рассматривая состояніе его съ точки зрѣнія суммы движимаго имущества, мы получаемъ для Печерска слѣдующую картину. На всѣ двory насчитывалось всего 6 коровъ, 7 лошадей, да 3 свиньи. Скота вовсе не имѣлось въ 56 дворохъ. Все наличное количество скота, принадлежало хозяевамъ лишь 6 дворовъ. Изъ нихъ по 1 коровѣ имѣлъ одинъ хозяинъ, по 2—одинъ (онъ же и шинкаръ), 3 коровы—одинъ, по 1 лошади—2, по 2 лошади тоже 2. Три свиньи принадлежали всѣ одному хозяину.

То же представляла собою и внѣшняя обстановка подданныхъ, ихъ жилье. Всѣ хаты были мазки. Никакихъ другихъ построекъ, кромѣ амбаровъ и сараевъ плетневыхъ, не было. Изъ всего количества дворовъ въ 3 не было никакихъ другихъ построекъ кромѣ избы; съ одной хозяйственной постройкой считалось 15 дворовъ, съ 2 постройками—23, съ 3 постройками—7, съ 4 постройками—9, съ пятью—только 2.

IV.

Почти непосредственно за васильковскими воротами печерской крѣпости, за такъ называемой васильковской рогаткой, расположено было другое поселеніе лаврскихъ подданныхъ. Въ настоящее время оно слилось съ печерскимъ мѣстечкомъ, тогда, въ 1766 г., оно составляло самостоятельное цѣлое и извѣстно было подъ именемъ дворовъ за васильковскою рогаткою или *Васильковскіе Рогатки*.

То было значительное по размѣрамъ поселеніе, мало чѣмъ уступавшее мѣстечку. Здѣсь насчитывалось 54 посполитскихъ

двора и 5 монастырскихъ. Въ началѣ, вскорѣ послѣ основанія крѣпости, поселокъ былъ гораздо меньше. Онъ состоялъ изъ 26 дворовъ, въ описи отмѣченныхъ, какъ старые. Къ 1766 г. число ихъ увеличилось 28 новыми дворами. Въ 64 хатахъ поселена была 71 семья. Все населеніе посполитское состояло изъ 265 д., въ томъ числѣ м. пола отъ 1 до 15 л.—44, отъ 15 до 60 л.—68, свыше 60 л.—4, жен. п. отъ 1 до 15 л.—56, отъ 15 до 60 л.—87, свыше 60 л.—6. Если прибавить 41 душу, жившихъ въ монастырскихъ дворахъ, т. е. послушниковъ и рабочихъ съ семьями, то все населеніе выразится въ ц. 298 д. По составу населеніе и здѣсь было смѣшанное: 45 были мѣстные уроженцы, остальные—пришлые: 13 изъ Черниговщины, 10—изъ Полтавщины, 10 изъ Польской Области, 1 изъ Слободской Украины.

Но здѣсь населеніе было гораздо бѣднѣе, чѣмъ на Печерскѣ. Поселокъ не имѣлъ земледѣльческаго характера: монастырь и здѣсь не надѣлилъ землею своихъ подданныхъ. Но въ смыслѣ ремесленной дѣятельности оно стояло ниже м. Печерска. Лишь 8 человекъ занимались ремесломъ и занимались сами, безъ рабочихъ. Да и ремесла были обыденные: кузнечное (1), сапожное (2), портняжное (1), гончарное (1), шаповальское (1), да переплетное (2). Затѣмъ 7 человекъ служили въ Лаврѣ и въ дворахъ монастырскихъ, въ качествѣ конюховъ. Всѣ остальные, за исключеніемъ 2, не имѣли никакихъ опредѣленныхъ занятій, кромѣ отбыванія панщины. Чѣмъ существовали они, остается совершенно неизвѣстнымъ.

Тѣ же данныя, которыя мы привели для характеристики Печерска, послужатъ намъ и теперь мѣриломъ благосостоянія монастырскихъ подданныхъ. Никакого скота не имѣли 47 дворовъ. Только у 7 хозяевъ былъ скоть. По 1 коровѣ—у одного, по 2 коровы—у 5, по 1 лошади—у 2, 3 лошади имѣлъ 1, 2 вола было у 1; по 2 свиньи—у 6. Одинъ имѣлъ 20 свиней. Это былъ тотъ самый, у котораго было 3 лошади и 2 коровы.

Въ отношеніи построекъ тоже, что и на Печерскѣ: тѣ же мазки, та же бѣдность построекъ. Безъ построекъ съ одною избою мы находимъ 4 двора, съ одной постройкой (прим.

клѣтью)—19, съ 2 постройками—23, съ 3—4, съ 4—3, съ 6 постройками (баней) и заводомъ—1.

Лишь два хозяина рѣзко выдѣлялись изъ среды подданныхъ, и это опять въ силу того, что они увлечены были общимъ кіевскимъ духомъ того времени. Одинъ былъ шинкаръ, имѣвшій у себя и ледникъ, и 2 коровы и продававшій монастырскую водку. Онъ зарабатывалъ 15 р. ежегодно. Другой былъ нѣсколько богаче. Въ его дворѣ стояла винокурня на 2 котла, дававшая 100 ведеръ водки. Дрова и 50 четвертей хлѣба для нея владѣлецъ покупалъ на базарахъ. Выкуренное вино закупалъ у него монастырь, что давало ему 20 р. въ годъ. 12 рабочихъ работало у него на винокурнѣ. Бѣольшая часть была нанимаема понедѣльно, за 16 и 20 к. въ недѣлю, на хозяйскихъ харчахъ.

Монастырскіе дворы, находившіеся здѣсь же, существовали лишь для поселенія послушниковъ и рабочихъ. Одинъ дворъ носилъ названіе типографскаго двора, гдѣ жило 2 рабочихъ съ семьями, нанятые погодно за 8 р. и 5 р. на монастырской пицѣ, и нѣсколько послушниковъ, работавшихъ безъ найма. Въ дворѣ, кромѣ господскаго дома о 2 компатахъ, были построены людская, 2 амбара, 1 конюшня и 2 сарая для скота монастырскаго: 9 воловъ, 4 коровы и 11 лошадей. Въ остальныхъ 3 дворахъ жили одни послушники, надзиравшіе за находившимся въ нихъ лаврскимъ скотомъ: 19 волами, 6 коровами, 17 лошадыми, 22 свиньями и 2 козами.

Пятый дворъ принадлежалъ Троицкому Больницкому монастырю. Здѣсь былъ шинокъ съ „ледовней“, господскій домъ, 3 людскихъ, амбаръ, конюшня и сарай, все стоимостью въ 250 р. 2 семьи нанятыхъ погодно рабочихъ, за 14 р. и 12 р., на одеждѣ и пицѣ монастырской, смотрѣли за дворомъ и вѣроятно продавали водку.

Дворы лаврскіе обошлись ей: типографскій въ 500 р., остальные три въ 300, 200 и 150 р.

V.

Слободка Солюная Горка. Гдѣ находилась эта слободка, мы не знаемъ съ точностью. Нигдѣ не встрѣчается о ней ни малѣйшихъ извѣстій, и, можно сказать, она впервые появляется на свѣтъ благодаря румянцевской описи. А между тѣмъ эта послѣдняя даетъ лишь самыя общія и весьма неопредѣленныя указанія на топографію слободки. Лежитъ она, сообщаетъ опись, „на прусскомъ близъ крѣпости“. Только изъ данныхъ о характерѣ занятій жителей можно заключить, что то была прирѣчная слободка, что она прилегала къ самому Днѣпру и, вѣроятно, расположена была на одномъ изъ склоновъ, идущихъ отъ Печерска къ Днѣпру.

Кіево-Печерская Лавра, владѣтель Солюной Горки, повидимому, мало интересовалась слободкой. У нея не было здѣсь никакихъ хозяйственныхъ построекъ, и она ограничилась лишь тѣмъ, что отвела земли подъ дворы и поселила въ нихъ своихъ посполитыхъ, отбывавшихъ повинности натурой. Денежныхъ повинностей и чиншей въ пользу монастыря посполитые и здѣсь, какъ и въ мѣстечкѣ и въ Рогаткахъ, не платили, а обязаны были поставлять на панцину отъ двора по 1 человѣку, который долженъ былъ работать 4 дня въ недѣлю. Всего отведенныхъ Лаврою дворовъ насчитывалось здѣсь 20, жители которыхъ почти исключительно заняты были рыболовствомъ, составлявшимъ единственный источникъ ихъ существованія. Слободка является поэтому какъ чисто рыбацье, а не земледѣльческое село. Въ самомъ дѣлѣ, изъ 20 хозяевъ слободки, 14 занимались либо ловлею, либо уженіемъ рыбы, одинъ—смоленіемъ лодокъ и байдаковъ, одинъ зарабатывалъ пропитаніе пиленіемъ дровъ, одинъ жилъ пасѣкой въ 10 пней и шинкованьемъ: продавалъ „бузу“, и только 4 не имѣли никакихъ опредѣленныхъ занятій, жили по-деннымъ трудомъ. О земледѣліи, земледѣльческомъ трудѣ не было здѣсь и помину: пахатной земли не было; монастырь не надѣлилъ ни ею, ни другими угодыми своихъ посполитыхъ, да кромѣ того, ни у одного изъ нихъ не было не только крупнаго, но даже и мелкаго скота. То были бобыли въ самомъ

широкомъ смыслѣ слова. Особенно интересно то обстоятельство, что здѣсь, въ этой слободкѣ, чуждаго пришлаго элемента было гораздо менѣе, чѣмъ въ какомъ-либо изъ селеній, лѣпившихся вокругъ Кіева. Изъ всей суммы семей 22 были уроженцы Кіева и лишь одна семья—изъ пришлыхъ, именно изъ Козельца. Глава этой послѣдней занимался пилкою дровъ. Въ возрастномъ отношеніи населеніе группировалось слѣдующимъ образомъ: муж. пола отъ 1 до 15 л.—20, отъ 15 до 60—28, женск. пола отъ 1 до 15—15, отъ 15 до 60—31, свыше 60—1. Всего же жителей въ слободкѣ 95.

VI.

Нѣсколько западнѣ Солоной Горки, въ сторону отъ Днѣпра, существовала другая слободка, основанная на земляхъ Кіево-Печерской Лавры и входящая теперь въ составъ Звѣринца. Она расположена была, какъ кажется, около звѣринецкаго озера и носила названіе *Свято-Озерской слободки*.

О ней, такъ же какъ и о слободкѣ Солоной Горкѣ, мы встрѣчаемъ впервые упоминаніе лишь въ одной румянцевской описи, сообщающей глухо, что она лежитъ „близъ крѣпости Печерской“. Но одинъ фактъ, который мы находимъ въ описи, даетъ весьма ясное указаніе на мѣстность, гдѣ находилась слободка. Закревскій въ своемъ описаніи Кіева увѣряетъ, что церковь во имя Рождества Іоанна Предтечи, построенная въ началѣ XVIII вѣка подлѣ звѣринецкаго озера, находилась на Звѣринцѣ¹⁾. Между тѣмъ, на дѣлѣ оказывается, что на Звѣринцѣ въ 1766 г. не было никакой церкви, церковь же Рождества Іоанна Предтечи была построена, по словамъ описи, въ слободкѣ Свято-Озерской. Въ то время церковь эта была еще новой и окружена была также новой деревянной оградой. Подлѣ церкви по обыкновенію выстроено было Лаврою двѣ хаты: школа „для обученія дѣтей разнаго чина“ и домъ священника, повидимому, не-

¹⁾ Закревскій, описаніе Кіева, II, глава о „Звѣринцѣ“

дорого обошедшіяся монастырю. Обѣ были мазки, стояли безъ двора и имѣли по амбару въ качествѣ хозяйственныхъ построекъ. Въ школѣ поселился дячекъ, посполитый изъ за Днѣпра, вмѣстѣ и учитель, привезшій съ собою двухъ своихъ земляковъ, двухъ мальчиковъ—учениковъ 12 и 13 лѣтъ. Домъ священника не отличался ни внѣшностью, ни помѣстительностью: въ немъ была всего одна комната, да одна людская. Ни пахати, ни другихъ угодій священникъ не получалъ отъ монастыря, и видимо жилъ крайне бѣдно. Прислуги не было и съ нимъ жилъ лишь пономарь, пропитывавшійся такъ же, какъ и священникъ, добротными даяніями отъ парохіянъ. Единственнымъ постояннымъ доходомъ священника была плата по 2 р. съ каждаго изъ двухъ дворовъ, пожалованныхъ ему Лаврою и находившихся на печерскомъ Звѣринцѣ. Все небольшое хозяйство священника заключалось въ 3 коровахъ, 1 лошади, да двухъ свиньяхъ. Повидимому, онъ только недавно поставленъ былъ здѣсь для отправленія церковной службы, такъ какъ рядомъ съ новопостроеннымъ его домомъ мы находимъ дворъ умершаго священника той же церкви съ 2 избами, амбаромъ и клѣтью. Тутъ проживала вдова покойнаго, принявшая двухъ подсусѣдковъ, вдовъ съ дѣтьми.

Слободка эта, какъ и сосѣдняя съ нею, была основана не задолго до того и расширилась почти накануне описи. Изъ 37 дворовъ, существовавшихъ въ ней въ 1766 году, только 18 названы старыми, 19 были устроены заново. Съ другой стороны, мы не встрѣчаемъ здѣсь ни одного мѣстнаго уроженца. Всѣ лаврскіе подданные или посполитые, сидѣвшіе въ этихъ дворахъ, или родомъ изъ Кіева (31), или пришли изъ Польской Области (6), Черниговщины (2), Полтавщины (2).

Въ 38 хатахъ поселено было Лаврою 45 семей, состоявшихъ изъ 190 д. обоего пола ¹⁾ также мало обезпеченныхъ ею, какъ и жители Солоной Горки и др. Кромѣ усадьбы он и не владѣли ни клочкомъ пахатной, либо сѣнокосной земли и должны были искать средствъ къ жизни въ поденномъ трудѣ. Между тѣмъ и

¹⁾ М. пола отъ 1 до 15 л.—37, отъ 15 до 60—48, выше 60 л.—2, ж. пола отъ 1 до 15 л.—41, отъ 15 до 60 л.—58, свыше 60 л.—4.

барщина въ видѣ четырехдневной работы въ недѣлю, и уплата съ хаты по 1 р. 2 коп. консиденціи ложились и на нихъ въ одинаковой мѣрѣ. Вообще и они не представляли собою ничего выходящаго изъ ряду той повальной бѣдности, которая является постояннымъ спутникомъ большинства, если не всѣхъ кіевскихъ селеній того времени. Кромѣ одного посполитаго, служившаго въ монастырѣ и получавшаго 12 р. въ годъ, всѣ остальные были почти полные бѣдняки. Занимавшихся ремесломъ или промысломъ было всего 8¹⁾. 36 семьямъ приходилось зарабатывать содержаніе поденнымъ трудомъ, жить „съ заработковъ“. Мы не знаемъ, какъ велики могли быть они, но каковы бы они ни были, степень благосостоянія обуславливалась количествомъ свободной рабочей силы, которая могла явиться на рынокъ, не опасаясь наказанія за невыполненіе барщины. Что же представляла собою въ этомъ отношеніи Свято-Озерская слободка? Съ одною рабочею силою было 2 семьи, съ 2 (обоого пола)—14, съ 3—10, съ 4—4, съ 5—3, съ 6—2; съ одною мужескою рабочею силою—22, съ 2—8, съ 3—3, съ 4—только одна. Нанимать рабочихъ было не на что, и только у 4 семей мы находимъ малолѣтнихъ рабочихъ, служившихъ за пропитаніе. Количество движимости находилось въ соотвѣтствіи съ экономическимъ бытомъ населенія. Въ 22 дворахъ изъ 36 никакого скота не было. Изъ остальныхъ 14 только 8 имѣли относительно значительное количество скота, а именно: 5 штукъ рогатаго скота—1, 4—1, по 3—4, по 2—2. По 1 лошади находилось въ 6 дворахъ. По 1 свиньѣ приходилось на 6 дворовъ, по 2—на 5 дворовъ, 3 и 4 свиньи имѣло только 2 двора. Овецъ было всего 15 (10 и 5 въ двухъ дворахъ) и въ одномъ дворѣ—коза.

¹⁾ Въ слободкѣ существовало 2 переплетчика, 1 гончарь, 1 ткачъ, 1 портной, 1 сапожникъ и 1 занимавшійся „муровчидкимъ“ ремесломъ. Въ одномъ дворѣ занимались печеніемъ и продажею бѣлаго хлѣба, въ другомъ жилъ рѣзникъ.

VII.

Звѣринецъ ¹⁾ въ 1766 году состоялъ изъ двухъ поселковъ, раскинувшихся на всемъ пространствѣ, начиная отъ звѣринецкаго озера за Свято-Озерской Слободкой, и кончая Выдубецкимъ монастыремъ. То былъ, во-первыхъ, такъ называемый „Печерской Звѣринецъ“, причисленный къ приходу Свято-Озерскому, а, во-вторыхъ, собственно Звѣринецъ, находившійся во владѣніи Выдубецкаго монастыря.

Первый былъ устроенъ на земляхъ Кіево-Печерской Лавры и былъ заселенъ исключительно одними лаврскими подданными. Лавра такъ же мало, повидимому, интересовалась землею, на которой стоялъ Звѣринецъ, какъ и тою, гдѣ построилась слободка Солоная Горка. Никакихъ построекъ и дворовъ лаврскихъ здѣсь не было. Не было равнымъ образомъ приписано къ поселенію ни пахатныхъ и сѣнокосныхъ земель, ни другихъ угодій. Лавра просто разбила звѣринецкую землю на дворы, предназначенные для подданныхъ, съ которыхъ и взималась панщина въ размѣрѣ общемъ для всѣхъ лаврскихъ подданныхъ. Какъ кажется, поселеніе существовало здѣсь уже съ давнихъ поръ и не было обязано своимъ возникновеніемъ возведенію печерской крѣпости. По крайней мѣрѣ большинство дворовъ означены какъ старинные, и кромѣ того изъ всей ихъ суммы—35 въ 22 жили мѣстные люди. Составъ населенія остальныхъ дворовъ былъ слѣдующій: изъ Польской Области—4, кіевского полка—3, изъ Черниговщины—3. Два двора стояли впустѣ.

Въ 30 хатахъ сидѣло 38 семей, всего 182 душъ обоего пола, изъ которыхъ мужск. пола было: отъ 1 до 15 лѣтъ—52, отъ 15 до 60 л.—37, свыше 60 л.—6, и женскаго:—отъ 1 до 15 л.—33, отъ 15 до 60—50, свыше 60—4. Въ экономическомъ отношеніи это населеніе было такъ же мало обезпечено, какъ и населеніе другихъ лаврскихъ селъ. Ихъ обстановка была крайне незавидна. Подданные четырехъ дворовъ не имѣли никакихъ построекъ кромѣ избы. Съ одной постройкой кромѣ хаты было

¹⁾ Румянц. опись, кіевская сотня, №№ 58 и 77.

8 дворовъ, съ двумя—13, съ тремя 5—7, съ пятью—только одна. Ту же и даже еще болѣе печальную картину представляло движимое имущество населенія. 24 двора изъ 33 не имѣли ни одной головы ни мелкаго, ни крупнаго скота; на остальные приходилось 6 воловъ, 9 коровъ, 6 лошадей, 4 свиньи, 50 овецъ. Только у одного было 4 вола, 2 коровы, 50 овецъ и 2 свиньи. По одной коровѣ было въ 5 дворахъ, да 2 коровы имѣлъ одинъ домохозяинъ. Заработки отъ занятія ремеслами достались на долю лишь немногихъ: только 9 семей содержались доходами отъ ремесла. Въ поселкѣ жило 5 гончарей, 2 иконописца, одинъ переплетчикъ и одинъ ткачъ. Наболѣе зажиточнымъ и обеспеченнымъ былъ по обыкновенію шинкаръ, подданный, сидѣвшій во дворѣ, который монастырь обратилъ въ шинокъ. Онъ получалъ изъ монастыря за оказываемыя Лаврѣ услуги 12 руб. въ годъ. Остальныя семьи жили съ заработковъ, содержа себя и семью на тѣ средства, какія могла дать поденная работа.

Въ нѣсколько лучшемъ положеніи находилось другое поселеніе, собственно Звѣринецъ.

Къ деревнѣ было приписано монастыремъ не мало земель: во-первыхъ, выгонъ подлѣ деревни на 24 дня (18 десят), затѣмъ небольшая пахатная земля на 7 дней (5¼ д), островъ противъ устья Лыбеди, сверхъ того,—и это была земля, которою монастырь надѣлилъ своихъ подданныхъ,—сѣнокосъ на лѣвой сторонѣ Днѣпра въ 15 верстахъ отъ деревни. Кромѣ того, подлѣ деревни монастырь завелъ мельницу на Лыбеди, доставлявшую монахамъ 4 четверти хлѣба въ годъ, и два кирпичныхъ завода,—все это въ видахъ приложенія возможно болѣе выгоднаго для монастыря даровой рабочей силы въ размѣрѣ 112 рабочихъ дней въ недѣлю, доставляемыхъ 29 дворами изъ 32 (два стояли впустѣ). Въ вознагражденіе за это монастырь отвелъ своимъ крестьянамъ сѣнокосы, которыми надѣлилъ отдѣльные дворы такимъ образомъ, что по 200 и по 100 копенъ сѣна получали два двора, 3 двора—по 60 коп., 14—по 50 коп., 2—по 40 коп., по 30, 25 и 15 копенъ—4 двора. Только восьми дворамъ не было дано участковъ въ монастырской сѣнокосной землѣ.

Впрочемъ, потеря на сѣнокосѣ восполнялась инымъ путемъ. Въ деревнѣ было 4 шинка. Одинъ внутри его, на 300 ведеръ водки, два на берегу Днѣпра и одинъ на Лыбеди на 100 ведеръ подлѣ перевоза, принадлежавшаго монастырю. Водка покупалась куфами, оптомъ, и продавалась чарками и квартами, и монастырь получалъ съ шинковъ 300 р. чистаго дохода въ годъ. Въ 1766 г. онъ повидимому держалъ самъ шинки, сажая въ нихъ своихъ посполитыхъ. Но бывали такіе годы, когда они сдавались въ аренду. Такъ было, напр., въ 1714 году, о чемъ свидѣтельствуетъ арендный контрактъ между монастыремъ и подданнымъ того же монастыря, „которому пустилимо“, гласить актъ, приложенный къ описи, „въ аренду шинкъ всякаго напитку, т. е. горѣлки, меду, пиво, такожь деготь, сѣно и овесъ продавати позволилисмо на селѣ нашомъ выдубыцкомъ, прозываемомъ Зверинцу, и где имъ сподобится на всѣхъ грунтахъ выдубыцкихъ“. Условія контракта настолько характерны, что мы приведемъ ихъ въ полномъ видѣ: они не требуютъ комментариевъ и достаточно выясняютъ причину рѣзкой разницы въ экономическомъ отношеніи между винокурами и шинкарями съ одной стороны и остальнымъ посполитымъ людемъ съ другой. Шинки сняты за тысячу золотыхъ, т. е. 500 рублей, платежъ которыхъ раздѣленъ на 4 раты или срока. „Хто бы хотѣлъ“, говорится въ актѣ, „под монастыремъ горѣлку и медъ шинковать, той повиненъ въ пана арендара на шинкъ брать напитокъ, albo чоповое ему заплатити; такожь варуемъ, же нѣхто з подданныхъ нашихъ Зверинскихъ не важился на веселе, чили на крестиви, чили на иніе значніе учти на сторонѣ, без вѣдома пана арендара, напитоку брати, а панъ арендаръ повиненъ будетъ подданнымъ нашимъ на значную ихъ потребу дешевле осмакомъ кварту, нежели постороннымъ людемъ продавать“. „А ежели бы, прибавлено въ актѣ, хто з подданныхъ нашихъ важился, потаемень в дому своемъ напытокъ держати, на Зверинцу шинковать, таковой выну заплатити талярей десять на обитель нашу выдубицкую и на арендара такожь талярей 10^а 1).

1) Румянц. опись, докум. кiev. сотни, подъ 1714 годомъ, 13 ноября.

Все населеніе деревни состояло изъ 161 души обоего пола въ 39 семьяхъ ¹⁾, по составу своему распредѣлявшихся такъ: мѣстныхъ—13 семей, кіевскихъ—13, изъ Черниговщины—8, Польской Области—4 и Полтавщины—1. Небольшая часть населенія занималась ремесломъ. Четыре человекъ были портныя, 2—ткачи. Сверхъ того тутъ жилъ одинъ гончарь, одинъ стекольщикъ, да одинъ каменщикъ. Остальные работали на монастырь и свободныя рабочія силы пускали на поденные заработки.

Количество скота, которымъ владѣло населеніе, было впрочемъ весьма ограничено. И это служитъ указаніемъ на плохое экономическое положеніе и населенія д. Звѣринца, не смотря на выданные сѣнокосныя надѣлы. Въ 10 дворахъ вовсе не было скота. Всего скота насчитывалось въ деревнѣ: 11 коровъ и 8 лошадей. Затѣмъ мелкій скотъ представляли свиньи въ количествѣ 22, да козы въ числѣ 4. По одной коровѣ имѣло 5 дворовъ, по 2—3 двора; по 1 лошади также 5 дворовъ, по 2—1 дворъ. По одной свинѣ насчитывалось въ 3 дворахъ, по 1—въ 6, по 3—въ 2. Обладателемъ 4 козъ былъ лишь одинъ дворъ.

VIII.

Ямки принадлежатъ къ числу поселеній, исчезнувшихъ на глазахъ еще живущаго поколѣнія. То былъ склонъ горы отъ Печерска къ югу, къ экспланадѣ, находившейся недалеко отъ нынѣшняго военнаго госпиталя. Въ XVIII в. они составляли собственность Лавры и одно изъ самыхъ доходныхъ ея имѣній. Тутъ не существовало какого-либо поселенія въ строгомъ смыслѣ слова: не было ни посполитыхъ, ни ихъ дворовъ и хатъ. Лавра устроила здѣсь лишь два двора: питейный и шинковой.

Въ одномъ изъ нихъ стоялъ старый питейный заводъ съ одной лишь господской комнатою, но за то съ 3 людскими, 2

¹⁾ Отъ 1—15 л.—37, отъ 15 до 60—38, свыше 60—1, а ж. пола: 1—15 л. 41, 15—60 л. 43, свыше 60 л.—1.

амбарами и 2 сараями для содержанія 23 воловъ и 5 лошадей, и сверхъ того тоже старый пивоваренный заводъ. Въ какихъ размѣрахъ производился здѣсь выкуръ водки и вывариваніе пива, опись не даетъ къ сожалѣнію отвѣта. Но судя по тому количеству рабочихъ, которые жили при этомъ дворѣ, несомнѣнно, что производство было значительное.

Въ самомъ дѣлѣ, кромѣ 5 человекъ послушниковъ, бѣльшею частью престарѣлыхъ, монастырь держалъ 11 рабочихъ съ семьями и холостыхъ, которымъ платилъ наиболѣе значительную по тому времени плату. Minimum годовой платы, безразлично и для семейныхъ, и для холостыхъ, былъ 8 рубл. Восемь человекъ были договорены по этой нормѣ. Два наняты были по 12 р. и одинъ, очевидно главный, винокуръ, за 15 р. въ годъ. Всѣ ходили въ своемъ платьѣ, но получали пищу отъ монастыря. Составъ рабочихъ не лишень интереса. Козаковъ было 7 человекъ, посполитыхъ—4. Изъ нихъ уроженцевъ Полтавщины 5 человекъ, Черниговщины—3, Польской Области—2, Слободской Украины—1¹⁾.

Второй дворъ, стоявшій рядомъ, составлялъ необходимое продолженіе и дополненіе къ первому. Часть того, что производилъ первый дворъ, быстро находила сбытъ во второмъ дворѣ, гдѣ выстроень былъ монастырскій шинокъ. Здѣсь были одна жилая изба и одинъ амбаръ, отданные въ распоряженіе природнаго лаврскаго подданнаго, кіевского уроженца, занимавшагося продажей монастырской водки и сверхъ того слесарнымъ ремесломъ. Какой доходъ приносилъ монастырю шинокъ, мы въ точности не знаемъ.

IX.

Владѣнія Кіево-Печерской Лавры въ Кіевѣ не ограничались описанною уже мѣстностью. Они шли далѣе, распро-

¹⁾ Въ возрастномъ отношеніи дворъ состоялъ изъ мужчинъ отъ 1 до 15 л.—7, отъ 1 до 60—11, престарѣлыхъ 5, ж. пола отъ 1 до 15 л.—5, отъ 15 до 60 л.—8.

странялись до самой Лыбеди, и здѣсь, недалеко отъ рѣки, и въ 2 верстахъ отъ стараго Кіева, основаны были, неизвѣстно лишь въ какое время, *Верхне-Лыбедской дворъ и село Нижне-Лыбедское* ¹⁾.

Первый находился, какъ кажется, за Васильковской улицей, внѣ города на самой Лыбеди и примыкалъ къ пахатной землѣ, „пещаной“ и негодной для обработки, лежавшей въ урочищѣ по васильковскому тракту, мѣрою на 30 дней. Расходуя 100 рублей на устройство двора, и притомъ съ помощью даровыхъ рабочихъ изъ своихъ же посполитыхъ, монастырь имѣлъ прямой расчетъ ставить его на одной изъ большихъ дорогъ, ведущихъ въ тогдашній Кіевъ. Во дворѣ былъ выстроенъ домъ съ 3 господскими и 2 людскими комнатами, 2 амбара для клажи, 1 клуня, пришедшая въ ветхость и, видимо, уже потерявшая прежнее значеніе. Хозяйство въ виду качества пахати вести было нельзя, и одну изъ людскихъ обратили въ шинокъ, въ которомъ сидѣлъ лаврскій посполитый, родомъ изъ с. Пирогова, продавшій лаврскую водку, за то освобожденный отъ панщины и получавшій десятую часть прибыли. Въ другой людской Лавра поселила другаго подданнаго, изъ Черниговщины, для надзора за мельницей, находившейся тутъ же въ дворѣ. Въ ней было два камня, но работала она только весною и осенью и притомъ исключительно для одного монастыря.

Гораздо бѣльшее значеніе для Лавры имѣло *Нижне-Лыбедское село*. Здѣсь монастырь выстроилъ огромный деревянный домъ въ 13 комнатъ съ домовою церковью во имя св. Харлампія. Дворъ былъ биткомъ набитъ массою всякаго рода хозяйственныхъ построекъ. Однѣхъ людскихъ избъ было 18. Затѣмъ тутъ же стояли 8 амбаровъ для поклажи, 2 конюшни, 4 сарая и погребъ. Строили все это опять посполитые, „мастера монастырскіе“, и тѣмъ не менѣе монастырь израсходовалъ на постройку 1500 рублей. Подлѣ двора возвышалась пустая винокурня, а на Лыбеди—двѣ мельницы, обѣ о двухъ колахъ, мучныхъ, и сверхъ того съ ступнымъ коломъ на одной изъ нихъ.

¹⁾ Румянц. опись, кіевская сотня, № 68.

Дохода мельницы не доставляли. И на этихъ мельницахъ мо-
лоли исключительно одну монастырскую муку. Для возки хлѣба
монастырь держалъ 62 вола и 6 лошадей, сверхъ того для до-
машнихъ потребностей 6 коровъ и столько же свиней. Большой
штатъ рабочихъ и послушниковъ состоялъ при этомъ дворѣ,
какъ тѣхъ, которые жили въ самомъ дворѣ, въ людскихъ, такъ
и поселенныхъ въ отдѣльно стоявшихъ хатахъ и дворахъ села.
Въ дворѣ насчитывалось рабочихъ до 36, находившихся въ раз-
личныхъ отношеніяхъ къ монастырю. Часть изъ нихъ, послуш-
ники въ числѣ 18 человекъ, представляли собою даровую рабо-
чую силу. Они жили безъ найма, за одно пропитаніе и одежду.
Остальные получали по уговору различную годовую плату,
начиная отъ 2 р. и до 12 р. 50 к. въ годъ на монастырскомъ
коштѣ, т. е. одеждѣ и пицѣ. Поденныхъ рабочихъ Лавра не
держала: для этого у нея всегда былъ подъ рукою запасъ под-
данныхъ. Мы не знаемъ къ сожалѣнію, какого рода работы
обязаны были выполнять годовые рабочіе. Извѣстно лишь, что они
должны были работать ежедневно и исполнять все, что бы ни
предписалъ имъ монастырь. Но тѣмъ не менѣе не лишне привести
хотя бы и простой перечень размѣра заработной платы для ха-
рактеристики того времени. За 2 р. 50 к. въ годъ былъ на-
нять 1 рабочій, за 3 р.—1, за 4 р.—1, за 4 р. 50 к.—7, за
7 р.—2, за 8 р.—3, за 8 р. 50 к.—1, за 10 р.—1, за 10 р.
50 к.—1, за 12 р. 50 к.—1. Въ двора жило 4 рабочихъ, изъ
которыхъ 2 получало по 4 р. 50 к., а два по 5 и 6 р. въ годъ.
Данныя эти показываютъ, что женскій трудъ цѣнился ниже
мужскаго при равныхъ условіяхъ здоровья. Наемная женщина
получала только 3 р., а нормальная плата годовому холостому
и одиночному рабочему была 4 р. 50 к. и возвышалась, если
нанимавшійся имѣлъ семью и обязывался работать съ женою.
Отчего зависѣла неравномѣрность повышенія платы, колебав-
шейся отъ 5 до 12 р. 50 к., описъ намъ не объясняетъ.

Рабочіе эти представляли собою самое разношерстное на-
селеніе: тутъ были и холостые обоюго пола, и женатые, были и
семейные (10), были и козаки (2), и сыновья священниковъ (1),
и мужичьи дѣти; стекались они въ монастырскій дворъ изъ

всѣхъ концовъ Малороссіи. Мѣстныхъ уроженцевъ было 4, кіевлянъ—5, изъ Польской Области—8, изъ полтавскаго полка—5, черниговскаго—4, изъ Слободской Украинны—2. Были даже приплые изъ Дубна—1, а изъ „польской націи“—5¹⁾.

Внѣ двора въ самомъ селѣ жило смѣшанное населеніе, состоявшее изъ подданныхъ, послушниковъ и наемныхъ рабочихъ. Для нихъ монастырь отвелъ 8 дворовъ и 2 бездворныхъ хаты. Въ одной изъ послѣднихъ было построено нѣчто въ родѣ казармы: 4 хаты въ одной связи для рабочихъ. Всего избъ было 17, и въ нихъ ютились 15 семей и много холостого люда. Собственно подданныхъ монастырскихъ было 8 семей. По возрасту населеніе села дѣлилось слѣдующимъ образомъ: мужч. отъ 1 до 15 л.—13, отъ 15 до 60—30, свыше 60—1, женскаго пола отъ 1 до 15—18, отъ 15 до 60—15, свыше 60—2, а всего 79, а съ рабочими при дворѣ—142 души²⁾. По происхожденію населеніе отличалось и здѣсь смѣшаннымъ характеромъ. Мѣстныхъ уроженцевъ было всего 3, собственно кіевлянъ—4, изъ Польской Области—14, изъ Полтавщины—5, изъ Нѣжина—5, да 2 изъ Слободской Украинны.

Работали на монастырь всѣ: подданные по 4 дня въ недѣлю, послушники и наемные рабочіе ежедневно по указанію монастыря. Первые не были надѣлены землей и должны были искать средствъ къ жизни въ ручномъ трудѣ и въ заработкѣ. Но развитіе здѣсь кузнечнаго ремесла обезпечивало нѣкоторую часть семей. Пять семей, жившихъ въ 3 дворахъ, заняты были ремесломъ, и повидимому положеніе ихъ было сравнительно хорошее. Каждый изъ кузнецовъ держалъ у себя рабочихъ за плату, такъ какъ работы было не мало и работы не для монастыря только, но и на сторону. Мы говоримъ такъ потому, что

¹⁾ Возрастное отношеніе было слѣд.: мужск. пола отъ 1 до 15 лѣтъ—9, отъ 15 до 60 л.—29, выше 60 л.—4; женскаго пола отъ 1 до 15 л.—6, отъ 15 до 60—12, выше 60—3. Одна была больна французскою болѣзнью.

²⁾ 19 лѣтъ позже, по ревизіи 1785 года, въ с. Ниже-Лыбедскомъ насчитывалось уже 158 душъ обоого пола: 78 мужч. и 80 женщинъ. Описаніе Кіево-Печерской Лавры. Кіевъ, 1847 г. стр. 276.

одинъ изъ кузнецовъ былъ освобожденъ отъ панщины, ее несли въ пользу монастыря только двое. У одного былъ нанятъ одинъ рабочій за 5 р. въ годъ, на одеждѣ и пищѣ хозяйской; у другаго было 2 рабочихъ по 5 р. въ годъ; наконецъ, у третьяго состояло при кузницѣ 3 рабочихъ въ 6, 5 и 3 р. годовой платы и также съ одеждой и пищей. Этотъ послѣдній добывалъ средства къ жизни сверхъ того и тѣмъ, что торговалъ монастырскимъ виномъ, что освобождало его отъ панщины и доставляло ему доходъ отъ каждаго десятаго проданнаго имъ ведра водки. Остальные 3 семьи посполитыхъ жили съ заработковъ, но почти всѣ имѣли хоть по 1 коровѣ.

Для удовлетворенія потребностей какъ всего населенія села и двора, такъ и проѣзжавшихъ по васильковскому тракту, Лавра содержала особый шинокъ, построенный при въѣздѣ въ село изъ Кіева.

X.

*Выше и Ниже Лыбедскіе Дворцы*¹⁾ принадлежали Михайловскому монастырю и находились при р. Лыбеди, повидимому невадалекъ отъ нынѣшнихъ Жиланской и Васильковской улицъ. Опись помѣщаетъ ихъ „на ровномъ мѣстѣ при реки Лыбеды“ и въ двухъ-верстномъ разстояніи отъ Кіева. Съ другой стороны, отъ „Ориновской“ горы, принадлежавшей тоже Михайловскому монастырю, они были удалены на версту (Гора эта была единственною нагорною землею, которою владѣлъ монастырь въ предѣлахъ нынѣшняго Кіева). Земля не отличалась своими качествами: она была песчаная, но заключала въ себѣ 100 дней оранки, т. е. около 75 десятинъ, и повидимому обрабатывалась монастыремъ. Ежегодно засѣвали на ней 15 четвертей ржи, по 1 четверти пшеницы и ячменя и 4 четверти овса.

¹⁾ Одинъ изъ нихъ находился на Лыбеди прямо противъ Нижне-Владимірской ул. и разрушенъ всего лѣтъ 10 назадъ.

Очевидно для обработки этой-то земли и было основано монастыремъ поселеніе *Выше-Лыбедской дворенъ*¹⁾ среди дубоваго дровянаго лѣса, обнимавашаго пространство земли на 8 верстъ въ окружности. Выстроенный здѣсь монастырскій домъ былъ небольшихъ размѣровъ, всего въ 2 „господскихъ покоя“ съ 2 людскими; сверхъ того подлѣ него устроены и сарай для одной лошади, которую держалъ здѣсь монастырь. Онъ и былъ предназначенъ для лѣтней загородной резиденціи и обошелся монастырю всего въ 80 рублей (720 р). Близъ двора на Лыбеди стояла большая мельница на 3 камня съ амбаромъ, предназначенная исключительно для монастырскаго хлѣба.

Въ дворѣ монастырь поселилъ двухъ послушниковъ, мельника, родомъ изъ польской націи, и сверхъ того семейнаго наемнаго рабочаго, мѣстнаго кіевскаго уроженца, которому платилъ по 6 рублей въ годъ. Одежду и пищу всѣ они получали отъ монастыря. Что касается до посполитыхъ, то ихъ было не много. Монастырь устроилъ для нихъ только 4 двора, построилъ въ каждомъ по избѣ и поселилъ въ нихъ 5 семей. Населеніе было немногочисленно: взрослыхъ мужчинъ насчитывалось всего 3, взрослыхъ женщинъ—6, малолѣтнихъ обоюга пола 8, увѣчныхъ—1. Двое изъ подданныхъ забрели изъ переяславскаго полка, одинъ былъ родомъ полякъ, о двухъ не имѣется извѣстій. На нихъ лежала вся тяжесть панцины, которая была тѣмъ болѣе чувствительна, что монастырь обратилъ одинъ дворъ въ шинковое заведеніе. Сидѣвшая въ этомъ дворѣ посполитая—вдова „шынковала выномъ монастырскимъ, получала десятое ведро и с того пропитанне имѣла“. Панцину приходилось отбывать только 3 дворамъ, и потому монастырь распредѣлил ее слѣдующимъ образомъ: отъ двора, гдѣ жило 2 семьи, онъ требовалъ пятидневной панцины въ недѣлю, отъ двухъ другихъ, гдѣ жило по одной семьѣ—по 4 дня въ недѣлю. Посполитые были настоящими бобылями: у нихъ не было ни скота, ни пахати для собственныхъ нуждъ; всѣ однако обложены были кон-

¹⁾ Румянц. опись, кіевск. сотня, № 38.

систентскою дачею въ размѣрѣ 1 р. отъ хаты. Двѣ копѣйки, вѣроятно, доплачивалъ монастырь.

Дворецъ Ниже-Лыбедской, повидимому, находился дальше къ югу отъ Верхне-Лыбедскаго и, какъ кажется, на мѣстѣ нынѣшнихъ кирпичныхъ заводовъ, такъ какъ здѣсь вѣроятно существовалъ кирпичный монастырскій заводъ. Такъ по крайней мѣрѣ можно заключить изъ того обстоятельства, что все посполитское населеніе, подвластное монастырю, занято было кирпичнымъ ремесломъ и работало по 4 дня въ недѣлю на монастырь. Всѣхъ посполитскихъ дворовъ было здѣсь 6, изъ которыхъ два стояли впустѣ. Въ остальныхъ четырехъ съ одной избой въ каждомъ ютилось 6 семей, всѣ пришлыя, кто изъ сумскаго полка (1), кто изъ лубенскаго (2) или стародубскаго полковъ (2), кто изъ Польской Области (1). Взрослыхъ рабочихъ муж. пола насчитывалось 5 человекъ, женск. пола—6, малолѣтокъ обоюга пола 8. Ни пахати, ни другихъ угодій, ни скота посполитые не имѣли. Монастырь имѣлъ здѣсь свой недавно выстроенный домъ, постройка котораго обошлась ему въ 100 р. Въ немъ было два господскихъ покоя и 2 людскихъ. Особо стоялъ рубленый сарай. Для надзора нанята была кіевлянка—вдова, съ сыномъ и 2 дочерьми, получавшая по 6 р. въ годъ, одежду и пищу отъ монастыря; у себя она приютила старуху вдову, тоже кіевлянку.

XI.

Мѣстность, находящаяся за университетомъ и ботаническимъ садомъ по склону горы вплоть до Лыбеди и затѣмъ до рощи, гдѣ теперь кадетскій корпусъ, такъ же какъ и земля, на которой построенъ университетъ, принадлежали въ разсматриваемое время Кіево-Софійскому монастырю, который былъ повидимому собственникомъ всей почти юго-западной территоріи нынѣшняго Кіева. Владѣнія монастыря доходили до южной городской стѣны, и здѣсь основано было два поселенія, два *подворья*:

Шуляинское и *Панковщина*¹⁾), „лежавшія близъ самаго города Кіева, при р. Лыбеди, которая течеть съ запада на востокъ“, „на схибистомъ мѣстѣ“. Первое изъ нихъ было настоящимъ селомъ, хотя и небольшимъ по размѣрамъ; монастырь устроилъ въ немъ церковь во имя царя Владиміра, хотя и не назначилъ къ ней особаго священника. Она служила домовою церковью, построена было особо отъ новаго дома, стоявшаго, какъ и церковь, въ одной оградѣ, опоясывавшей также и садъ, разведенный здѣсь монастыремъ. Домъ былъ устроенъ въ довольно широкихъ размѣрахъ и предназначался повидимому для лѣтней резиденціи митрополита. Въ немъ было 6 покоевъ съ галлереей („галдареей“), выходившей въ садъ. Подлѣ дома группировался рядъ хозяйственныхъ построекъ. Дворъ былъ наполненъ ими: тутъ было и 4 людскихъ, и два ледника, и погребъ съ деревяннымъ выходомъ, и конюшня, и рубленный сарай для колысокъ. Все было заведено на широкую ногу и недешево обошлось монастырю: „оной дворъ“, гласить опись, „построенъ монастыремъ ценою на двѣ тысячи пятьсотъ рублей“. Хозяйственныхъ цѣлей при устройствѣ усадьбы монастырь не преслѣдовалъ: пахатной земли не было. Дворъ былъ устроенъ въ лѣсу. Со всѣхъ сторонъ и на большомъ протяженіи окружали его дубы и березы. Въ окружности лѣсъ имѣлъ до 5 верстъ и примыкалъ къ другому еще болѣе обширному въ 30 верстъ въ окружности лѣсу, выходившему за предѣлы нынѣшняго Кіева²⁾). Отсюда монастырь добывалъ топливо, отсюда же бралъ и строевою лѣсъ, главнымъ образомъ кроквы; этотъ же лѣсъ послужилъ и удобнымъ мѣстомъ для пасѣки. Она устроена была внѣ двора, при ней находилась хата для пасѣчника и рубленный погребъ для „поставки пчелы“. Ульевъ насчитывалось до 80, но полу-

¹⁾ Повидимому Шулявщина. См. Закревскій, II, 878. Онъ ошибается вмѣстѣ съ Аскоченскимъ, утверждая, что здѣсь была домовая церковь во имя Бориса и Глѣба.— Румянц. опись, кіевская сотня, № 17.

²⁾ Опись при опредѣленіи пространства даннаго лѣса всегда указываетъ на окружность его, не давая другихъ болѣе точныхъ данныхъ для измѣренія.

чаемый воскъ и медъ не пускали въ продажу, а отправляли въ Кіевъ, въ монастырь. Да и пасѣчникъ былъ даровой—послушникъ, мѣщанинъ изъ Глухова.

Протекавшая невдалекѣ Лыбедь представляла немалыя выгоды для монастыря. Ея берега были обращены въ сѣнокосъ, дававшій ежегодно до 30 копень сѣна, сама же рѣка служила и для ловли рыбы, и для устройства мельницъ. Оба берега принадлежали монастырю, и поэтому ему одному принадлежало и исключительное право ловли рыбы. Ловили здѣсь и карася, и лина, и плотву, и все это, какъ и медъ, отвозили въ монастырь на монашескую потребу. Водяныхъ мельницъ было двѣ, обѣ одномъ камнѣ каждая и съ толчеей на одной изъ нихъ. Здѣсь мололи и монастырскую муку, и муку „чужимъ людямъ“, и мололи повидимому усѣбно, ибо монастырь ежегодно вписывалъ въ свои доходы по 10 четвертей ржаной муки, по 2 четверти крупъ и столько же пшена, какъ вознагражденіе за помоль чужаго хлѣба.

Но монастырь не брезгалъ и денежными доходами со статьи, составлявшей въ то время главный источникъ доходовъ. Онъ держалъ здѣсь шинкъ, но не въ самомъ селѣ, а внѣ его, подлѣ дороги, идущей изъ Кіева на Бѣлгородку: расчетъ былъ, видимо, на проезжающихъ. Тутъ шла продажа и ведрами, и квартами, и чарками, продажа своего, а не покупнаго вина, и ежегодно монастырь выручалъ до 10 „рублевъ“ (90 р).

Для надзора за домомъ и постройками, для ухода за садомъ и парюю лошадей, предназначенныхъ для поѣздокъ, монастырь держалъ наемную прислугу. Въ одной изъ людскихъ помѣщалась цѣлая семья, глава которой, уроженецъ Кіева, получалъ за себя и дѣтей (1 мальчикъ и 3 дѣвочки) по 12 р. въ годъ на монастырской пищѣ. Съ нею жила и другая семья: вдова съ дѣтьми, нанятая за 6 р. въ годъ и на одеждѣ и пищѣ отъ монастыря.

Особо, но на какомъ разстояніи отъ описаннаго двора, мы не знаемъ, стоялъ другой монастырскій дворъ, носившій названіе Панковщина, находившійся въ мѣстности, примыкающей съ юга къ университету. Онъ былъ устроенъ на болѣе широ

кую ногу, чѣмъ первый. Большое хорошее строеніе возвышалось среди двора. То былъ домъ о 10 комнатахъ съ галереей и особыми людскими на 3 комнаты. Особо стояли деревянные вновь выстроенные конюшни для 2 лошадей и сарай на 19 воловъ. Сооруженія были сдѣланы на славу. Монастырь не пожалѣлъ денегъ и уплатилъ за все 5200 р (около 47 т. на те-перешніе деньги). Но здѣсь монастырь, видимо, сталъ преслѣдовать и хозяйственные цѣли. Въ томъ же дворѣ начата была постройка винокурни и бровара, которые не были еще окончены въ 1766 году. Къ двору примыкалъ окружавшій его лѣсъ въ 150 сажень въ окружности и сѣнокосъ на Лыбеди на 300 копень. Какъ и въ первомъ дворѣ, здѣсь эксплуатировалась рѣчка тѣми же способами: ловили рыбу, „болше рыбъ карасевъ“, а на мельницѣ о 2 камняхъ мололи монастырскую муку.

То былъ особый, самостоятельный дворъ. Никакого поселенія вокругъ него не существовало, и единственными и постоянными его обитателями были наемные рабочіе, всего 6 семей. Лишь одна семья была изъ числа кіевскихъ уроженцевъ; остальные состояли изъ пришельцевъ, изъ Польской Области (4), изъ Кобижчи (кіевского полка) одна; послѣдняя изъ козачьихъ. Взрослое населеніе состояло изъ 7 мужчинъ и 9 женщинъ. Наемная плата была сравнительно весьма высокою для того времени. Двѣ семьи, жившія вмѣстѣ, нанимались за 24 р. въ годъ на одеждѣ и пищѣ монастырской. Имъ принадлежалъ по-видимому главный надзоръ за дворомъ. Затѣмъ мельникъ и еще одинъ рабочій получали по 12 р. въ годъ. Изъ двухъ остальныхъ одной платили 9 р., а другой—5 р. Всѣ они получали кромѣ того одежду и пищу отъ монастыря.

Монастырь владѣлъ сверхъ того и посполитыми, но всѣ они поселены были на Шульжинскомъ подворьѣ. Онъ отвелъ своимъ крестьянамъ 12 дворовъ и 2 бездворныя хаты и поселилъ здѣсь 18 семей въ 15 избахъ. Населеніе по возрасту группировалось слѣдующимъ образомъ: мужчинъ отъ 1 до 15 л.—23, отъ 15 до 60—16, свыше 60—1, женщинъ отъ 1 до 15—21, отъ 15 до 60—20, свыше 60—4. По составу населеніе включало въ себѣ 7 семей мѣстныхъ уроженцевъ (Кіева и со-

сѣднихъ селъ: Обухова и др), 7 уроженцевъ Польской области, 3—Полтавщины и 1—Черниговщины. Всѣ они по происхожденію были „мужичьи сини“ и лишь одна (изъ Лохвицы)—козачьяго роду.

Монастырь надѣлилъ ихъ пахатною землею и предоставилъ право вѣзда въ лѣсъ за дровами. Пахати дано было на 28 дней или около $2\frac{1}{2}$ десятины, такъ что на дворъ приходилось около $1\frac{1}{2}$ десятины. Для обработки этой земли крестьяне располагали всего 10 волами и 4 лошадьми. Количество домашняго скота было у нихъ незначительно: 10 коровъ, 10 козъ, да 24 свиньи. Но въ общемъ положеніе здѣсь крестьянъ было нѣсколько лучше сравнительно съ положеніемъ ихъ собратьевъ въ другихъ описываемыхъ мѣстностяхъ, хотя при этомъ они несли по отношенію къ монастырю тѣ же повинности и въ томъ же размѣрѣ, какъ и всѣ вообще монастырскіе крестьяне, т. е. четырехдневную барщину. Изъ 14 домохозяевъ у 6 была земля, у остальныхъ ея не было, но только 6 жили съ заработковъ, одинъ занимался ткацкимъ ремесломъ и одинъ состоялъ при мельницѣ, за что былъ освобожденъ отъ панщины и получалъ сверхъ того извѣстную часть отъ помола. Надѣлы пашенныхъ крестьянъ были распределены слѣдующимъ образомъ: у 3 домохозяевъ было по 2 дня земли (около $1\frac{1}{2}$ дес), причемъ каждый имѣлъ по 2 вола, а одинъ сверхъ того еще и лошадь, у 2 по 3 дня (около $2\frac{1}{4}$ д), у одного—10 дней ($7\frac{1}{2}$), для обработки которыхъ онъ держалъ 4 вола. Земля отстояла отъ поселка въ 2 верстахъ, въ Шулявщинѣ. Изъ непашенныхъ крестьянъ, такихъ, которые вовсе не имѣли скота, было 3, владѣвшихъ одною свиньею—одинъ, только 2 свиньями—тоже одинъ.

XII.

Вся та часть современнаго Кіева, которая расположена по Вознесенскому спуску, по части Житомирской улицы и Сѣнной площади, въ описываемое время находилась, какъ извѣстно, въ городской стѣны. Отъ такъ называемыхъ Львовскихъ воротъ,

гдѣ начиналась дорога на Бѣлогородку, до воротъ Софійскихъ или Батыевыхъ, городская стѣна шла въ направленіи почти перпендикулярномъ къ теченію Днѣпра. Двѣ улицы отдѣляли ее отъ церкви Іоанна Златоуста (еще недавно существовавшей), изъ которыхъ одна, нынѣшняя Житомирская, оканчивалась у площади передъ церковью Срѣтенія противъ Львовскихъ воротъ. За этою-то стѣною и вдоль ея, почти непосредственно за ней расположено было на возвышенномъ мѣстѣ два поселенія, носившія одно общее названіе „Слободка Вишней или Вишней Кудравецъ¹⁾“. Одно изъ нихъ принадлежало Михайловскому монастырю, другое, стоявшее далѣе отъ стѣны, составляло вмѣстѣ съ прилежавшими къ нему землями собственность Софійскаго монастыря.

Положеніе перваго довольно опредѣленно выясняется изъ извѣстныхъ грамотъ, данныхъ монастырю, какъ короля Сигизмунда 1522 и 23 г., такъ и подтвердительной короля Сигизмунда Августа 1570 г. и др. Изъ нихъ видно, что монастырю принадлежало пространство земли подлѣ пробитаго вала, за Львовскими воротами и до „Кудравца“, а затѣмъ „у верхъ Кудравцомъ (рѣчкой) до долины Глубокое“, наконецъ, „отъ долины Глубокое въ Лыбедь до Софійской долины“²⁾, т. е. до выше описанныхъ владѣній Софійскаго монастыря. То была „пашня“, расположенная по обѣ стороны дороги на Бѣлогородку. Здѣсь то и возникла слободка „Вишней Кудравецъ“, населенная посполитыми. Къ сожалѣнію, имѣющіяся у меня данныя не позволяютъ опредѣлить съ точностью время возникновенія слободки. Вѣрно только, что до конца XVII вѣка мѣстность эта была пустыремъ, на что указываетъ и самое названіе земли: „пашня“, и тотъ фактъ, что мѣстность внутри городской стѣны отъ Софійскаго собора до стѣны была заселена лишь въ концѣ XVI вѣка³⁾, и фраза универсала Мазеи отъ 1699 года: „на поля и

¹⁾ Румянц. опись, кіевская сотня, подъ № 15 и 40.

²⁾ Сборникъ матеріаловъ для исторіи Кіева, 3 часть, 20, 22, 38 и 123.

³⁾ Ibid., „жалоба кіевскихъ мѣщанъ на слободу, основанную княземъ Острожскимъ въ 1586 г.“, № 29, стр. 50.

нивы подѣ городомъ за воротами Лвувскими¹⁾). По всей вѣроятности слободка возникла въ началѣ XVIII в. и только къ 1766 году выработалась въ настоящую деревню. Въ это время большая часть земли была уже занята дворами: къ селенію принадлежала лишь одна пахать, да и то въ ничтожномъ количествѣ 10 дней или около 7^{1/2} дес. Ни сѣнокосовъ, ни лѣсовъ, приписанныхъ этому владѣнію монастыря, уже не значилось въ описи.

Но монастырь инымъ способомъ извлекалъ доходы изъ этой мѣстности. По универсалу Мазепы 1699 года онъ получилъ право на своемъ дворѣ, „подлѣ монастыря будучимъ“, „всякое питіе, медъ, пиво и горѣлку вшелякимъ разнымъ государскимъ, тамъ живучимъ и ивымъ приходячимъ людямъ держати и продавати на монастырскую потребу“. Выгодное положеніе слободки подлѣ городскихъ воротъ и на бойкой дорогѣ побудило монастырь возвести и здѣсь шинкъ. „Въ верхнемъ городѣ Кіевѣ“, гласить опись, „имѣется дворъ, устроенный для содержанія въ немъ шинку“. Монастырь построилъ для него 2 хаты и посадилъ въ него шинкаря, посполитого, зашедшаго изъ черниговскаго полка въ Кіевъ. Онъ былъ освобожденъ отъ всякаго рода платежей и повинностей (панщины) въ пользу монастыря и обязанъ былъ лишь постоянно сидѣть въ шинкѣ и соблюдать монастырскую потребу, „шинкуя выдаваемымъ изъ Михайловскаго монастыря виномъ, медомъ и пивомъ, выкуриваемымъ, какъ намъ извѣстно, самимъ монастыремъ. Продажа производилась распивочно, „квартами и чарками“, и производилась не безъ успѣха, такъ какъ монастырь вносилъ въ счетную свою книгу доходъ съ шинка въ размѣрѣ 50 р (т. е. около 450 р). На другомъ концѣ селенія существовалъ и другой шинкъ, предназначенный уже для мѣстныхъ потребителей, монастырскихъ посполитыхъ. Одинъ изъ посполитскихъ дворовъ былъ обращенъ въ шинковое заведеніе, и въ немъ сидѣлъ въ качествѣ шинкаря кіево-подольскій мѣщанинъ, которому отпускалаь изъ монастыря небольшое количество водки для распивочной продажи. Предпріят-

1) Ibid., стр. 123.

тіе было не изъ крупныхъ: доходъ сравнительно небольшой, всего 10 р (90 р).

Слободка состояла изъ 7 дворовъ, изъ которыхъ лишь въ 5 сидѣли посполитые. Одинъ дворъ лежалъ впусѣ, другой былъ подъ шинкомъ. Посполитскихъ семей въ этихъ 5 дворахъ было 10, и въ нихъ насчитывалось 11 душъ мужчинъ взрослыхъ и 12 взрослыхъ же женщинъ, сверхъ того 6 дѣтей мужеск. и 8 женскаго пола, всего 37 душъ. Какъ вообще въ подгороднихъ кіевскихъ селеніяхъ, и здѣсь населеніе носило смѣшанный характеръ. Большинство, именно 6 семей, были мѣстнаго происхожденія; изъ пришлыхъ двѣ явились изъ Черниговщины, 2—изъ Полтавщины.

Слободка однако не вполне утратила земледѣльческій характеръ. Монастырь отвелъ принадлежавшую ему пахать (т. е. 10 дней), лежавшую за версту отъ поселенія, тремъ дворамъ, надѣливъ ихъ весьма неравномѣрно. Одному двору, повидимому старинному, занятому старымъ монастырскимъ посполитымъ, было дано земли на 5 дней (около 4 дес), другому — 3 дня (около 3 дес) и третьему, пришлому изъ Прилукъ,—2 дня (1½ дес). Только у этихъ однихъ пашенныхъ крестьянъ былъ скотъ, необходимый для обработки земли. У перваго изъ только что указанныхъ посполитыхъ было 3 лошади и 3 свиньи, у втораго—2 лошади, 1 корова и 2 свиньи, у третьяго—2 быка и 1 свинья. Остальные никакихъ угодій, кромѣ усадебной земли, не имѣли, и единственнымъ средствомъ пропитанія служила либо поденная работа, либо ремесло. Въ одномъ дворѣ занимались ткацкимъ ремесломъ, въ одномъ—выдѣлываніемъ кошелей. Но повидимому дѣятельность двухъ послѣднихъ не была значительною: они не были записаны въ цехъ и не имѣли ни работниковъ, ни учениковъ. Какъ и откуда могли добывать они средства къ жизни, трудно вѣрить. Только объ одномъ дворѣ лишь сообщаетъ, что домохозяинъ имѣлъ 2 коровы.

Но монастырь смотрѣлъ на посполитыхъ какъ на постоянную рабочую силу и требовалъ отъ нихъ панщину въ обыкновенномъ для монастырей размѣрѣ, т. е. по 4 дня въ недѣлю. Сверхъ того, какъ и всѣ вообще посполитые, и посполитые сло-

бодки обложены были консистентской дачей по 1 р. 2 к. отъ хаты, распредѣленіемъ которой по семьямъ распорядился монастырь.

„Близъ верхняго же города Кіева, на гористомъ мѣстѣ“, находилось и поселеніе: слободка Вышней Кудравецъ, собственность Кіево-Софійскаго монастыря. Какъ и когда возникла эта слободка, какимъ образомъ попала она во владѣніе монастыря, отвѣта на эти вопросы мы не можемъ дать: документовъ на владѣніе нѣтъ¹⁾, и приходится ограничиться лишь описаніемъ слободки по даннымъ описи.

Центромъ поселенія была церковь Вознесенія Христова, находившаяся при началѣ нынѣшняго Вознесенскаго спуска. То была деревянная постройка, пришедшая уже въ ветхость въ 1766 году. Отдѣльно отъ нея возвышалась деревянная и тоже ветхая колокольня, обнесенная вмѣстѣ съ церковью ветхой деревянной оградой. Тутъ же, подлѣ ограды, монастырь построилъ маленькій домикъ о „двухъ господскихъ покояхъ“ для священника, не получившаго отъ монастыря ни пахатной земли, ни другихъ угодій. Хозяйствомъ священникъ заниматься не могъ: кромѣ 2 коровъ и 1 свиньи никакого скота у него не было, и единственнымъ источникомъ доходовъ являлось для него полученіе платы за требы отъ жителей слободы, тоже не отличавшихся благосостояніемъ. Нѣсколько далѣе стояла ветхая деревянная школа, эта необходимая принадлежность всѣхъ церквей во всѣхъ почти селеніяхъ старой Малороссіи. Какъ и домъ священника, она была выстроена „коштомъ монастыря“, и въ ней поселился дячокъ, выходецъ изъ Польской области, „мужичей сынъ, питавшійся отъ паракіи“.

Мѣсто, занятое церковью, было окружено монастырскими хозяйственными постройками. При входѣ въ слободку находился дворъ монастыря, носившій названіе „волового двора“. Въ немъ стоялъ монастырскій деревянный домъ съ тремя „господскими покоями“, а по бокамъ выстроены были людскія (3), сараи (2)

¹⁾ Документы приложены къ описи имѣній Софійскаго монастыря, находившихся въ м. Трипольѣ, но и они, и опись пропали.

и амбаръ, что все обошлось монастырю въ 500 руб. То былъ скотный монастырскій дворъ: монастырь держалъ здѣсь 30 воловъ и 1 лошадь для поѣздокъ. Надсмотръ за скотомъ и дворомъ порученъ былъ наемнымъ рабочимъ, поселеннымъ въ людскихъ. Это—пришлые люди, изъ Городни (черниг. полка) и изъ Ахтырки, явившіеся въ Кіевъ съ семьями и поступившіе на службу монастырю по договору, обезпечивавшему одному изъ нихъ годовую плату въ 13 р., а другому—10 р. Оба одѣвались на свой счетъ, но пищу получали отъ монастыря.

Нѣсколько далѣе, но рядомъ съ только что описаннымъ дворомъ находился другой, гдѣ построенъ былъ большой двухъ-этажный деревянный домъ. Нижній этажъ состоялъ изъ 6 комнатъ, на верхнемъ устроена была домовая церковь во имя св. Варлаама и Іоасафа. Повидимому, то былъ именно тотъ домъ и та домовая церковь, которые по словамъ Закревскаго были выстроены митрополитомъ Іоасафомъ Кроковскимъ въ 1718 г. Сооруженіе ихъ обошлось монастырю всего въ 90 р (?).

По другую сторону церкви находилось зданіе монастырскаго шинка. Подъ него отведено было 2 хаты и цѣлый рядъ хозяйственныхъ построекъ: амбаръ, ледникъ, сарай. Здѣсь производилась ежедневно продажа водки, доставляемой изъ монастыря, что поручено было кіевскому мѣщанину и доставляло монастырю по 60 р (540 р) ежегодно.

Непосредственно за шинкомъ начиналось поселеніе, состоявшее изъ 21 двора и 2 бездворныхъ хатъ. Они были заняты монастырскими посполитыми, то коренными жителями Кіева (12 семей), то пришлыми: изъ Польской области (7), изъ Полтавщины (6), Черниговщины (4), Слободской Украины (Ахтырки—1). По поламъ и возрастамъ населеніе распредѣлялось такъ: м. пола отъ 1 до 15 л.—28, отъ 15 до 60—36, свыше 60—2, ж. п. отъ 1 до 15—28, отъ 15 до 60 л.—37, свыше 60—5, а всего 136 душъ. Этимъ посполитымъ монастырь отвелъ пахатную землю въ количествѣ 42 дней (около 31 десятины), разбросанную въ разныхъ мѣстахъ: то подлѣ „архіерейской роци“ (кадетской роци), то на Шулявщинѣ (17 дней), то у

„тѣсныхъ улицъ“ (7 дней)¹⁾, то у Лыбеди (11 дней). На дворъ могло приходиться среднимъ числомъ по одной съ небольшимъ десятиной, но въ дѣйствительности дѣло стояло иначе. Пашенныхъ дворовъ было всего 9, да и тѣ пользовались землею крайне неравномѣрно. Такъ, одинъ дворъ получилъ въ надѣль лишь 2 дня (около $1\frac{1}{2}$ дес), три двора—по 3 дня (около 2 дес), одинъ—4 дня (3 дес), два—по 5 дней ($3\frac{3}{4}$ д), одинъ—8 дней (6 дес) и одинъ—9 дней ($6\frac{3}{4}$ д). Въ остальныхъ сидѣли бобыли, изъ которыхъ только 5 занимались ремесломъ. Изъ нихъ ткацкимъ ремесломъ занимались въ одной семьѣ, кузнечнымъ въ четырехъ (одинъ кузнецъ былъ надѣленъ землею), и въ одной гончарнымъ промысломъ. Но лишь занятіе кузнечнымъ промысломъ давало кое-какія средства къ жизни, остальные были малопродуктивны. Во-первыхъ, ни у кого, кромѣ одного кузнеца, не было ни рабочихъ, ни учениковъ, а во-вторыхъ, размѣръ консистентской дачи былъ неравномѣрно разложенъ: съ кузнецовъ взымали по 1 р. 20 к., съ гончара и ткача всего 1 р., т. е. ту же сумму, которую платили и наиболѣе слабые экономически, жившіе одними заработками.

Каково было вообще экономическое состояніе населенія, видно изъ того количества скота, которымъ владѣли посполитые. Волось было всего 12, коровъ—8, лошадей—5 и свиней—21, т. е. на дворъ приходилось менѣе чѣмъ по 1 свиньѣ, около $\frac{1}{2}$ вола, $\frac{1}{3}$ коровы. Но въ 11 дворахъ не было никакого скота; по 1 коровѣ имѣли 6 дворовъ, по 2—одинъ дворъ, по 1 лошади насчитывалось у 5 дворовъ, по 2 вола имѣли 6 дворовъ. Что касается свиней, то по 1 свиньѣ имѣлъ 1 дворъ, по 2—8 дворовъ, по 4—2 двора. Избы, въ которыхъ жили посполитые, были все мазки, большею частью „ветхія“. Въ большинствѣ дворовъ не было хозяйственныхъ построекъ, лишь въ нѣкоторыхъ было по амбару, а въ 13—по сараю, изъ которыхъ одинъ былъ рубленный. И при такихъ условіяхъ нѣкоторые хозяева находили возможнымъ пріютить у себя нищихъ, да еще съ семьями. Въ

¹⁾ Гдѣ находились „тѣсныя улицы“, съ точностью неизвѣстно. См. Закревскій, II, 515.

двухъ хатахъ мы находимъ по „сусѣду“ и „сусѣдкѣ“, въ двухъ— по нищему.

Обязанности по отношенію къ монастырю были тѣ же, какъ и въ другихъ монастырскихъ селахъ. Но въ чемъ выражалась панщина, мы не знаемъ. Къ монастырскому двору приписана была, правда, пахать на 25 дней: одна часть на 15 дней за бродомъ подлѣ роци, а другая на 10 дней на Шулевой до-рогѣ); но неизвѣстно, обрабатывалъ ли ее монастырь.

ХІІІ.

Слобода Нижній Кудрявецъ ¹⁾. Объ этой слободѣ изслѣдованія о Кіевѣ не упоминаютъ ни однимъ словомъ: ея существованіе, повидимому, не было извѣстно историкамъ. Гдѣ находилась она, съ точностью опредѣлить трудно. Опись даетъ неопредѣленное указаніе, что она расположена въ 2 верстахъ отъ печерской крѣпости, на гористомъ мѣстѣ. Насколько можно судить по немногимъ документамъ, относящимся къ слободѣ, по нѣскольکو неопредѣленнымъ выраженіямъ гетманскихъ универсаловъ, она выстроена была по теченію исчезнувшаго ручья Кудрявца и прилежала къ Кіево-Подолу со стороны глубочицкаго ручья. Возникла она въ XVII в. и была обязана своимъ существованіемъ нѣкому обывателю г. Кіева, Ивану Юрковичу Гризкому, который устроилъ на р. Кудрявцѣ мельницу, „подъ мѣстомъ Кіевомъ стоячую“, а также и хуторъ съ огородами и занятыми къ нему сѣножатями. Въ 1671 году, какъ то видно изъ универсала гетмана Многогрѣшнаго отъ 7 февраля, хуторъ съ мельницей и сѣнокосами находился уже во владѣніи новаго лица: его купилъ кіевскій бурмистръ, Янъ Демидовичъ Быковичъ, за 800 злотыхъ. Эта-то продажа и утверждена гетманомъ ²⁾. Новый владѣлецъ значительно расши-

¹⁾ Румянц. опись, кіевск. сотня, № 85.

²⁾ „Объявлялъ намъ панъ Янъ Демидовичъ Быковичъ, бурмистръ Киевскій на змерлого Ивана Юрковича Гризкого, обывателя тожъ кіевского в мѣсти Києви кгрунта лежачіе и за гроши з млиновъ,

рилъ хозяйство, завелъ новыя хозяйственныя постройки и, по-видимому, увеличилъ и самое поселеніе. Новый гетманъ, Самойловичъ, въ своемъ универсалѣ Быковичу уже утверждаетъ за нимъ право собственности не только на то, что утвердилъ Многогрѣшный, но и на винвицу, солодовню, сушиню, хаты, огороды подь горою, сажалки на ручьѣ и т. п. ¹⁾). Къ концу XVII в., при Мазепѣ, сынъ Яна Быковича, Ѳеодоръ Ивановичъ Быковскій, войтъ кіевскій, получилъ возможность увеличить доходность имѣнія. Гетманъ въ награду „за сталую вѣрность“ отца пожаловалъ сына новымъ универсаломъ, по которому предоставилъ ему право для продажи выдѣляемой имъ въ слободѣ водки „дворъ шинковій в мѣстѣ Києвъ и в немъ шинкѣ винній, медовій и пивній свободно держаты“ ²⁾). Тогда же были расширены и земельныя владѣнія хутора: до 1699 года Ѳеодоръ Быковскій скупилъ нѣсколько огородовъ, принадлежавшихъ кіевскимъ мѣщанкамъ ³⁾).

Мы не знаемъ, какова была дальнѣйшая судьба и слободы, и рода Быковскихъ. Но въ 1766 году, во время составленія описи, потомокъ Яна Быковича, Леонтій Быковскій, уже не жилъ въ Кіевѣ. Мы застаемъ его сотникомъ въ ополчанской сотнѣ гадацкаго полка, а его имѣніе, слободу Нижній Кудрявецъ, въ рукахъ какихъ-то кіевскихъ мѣщанъ, ежегодно снимающихъ его въ аренду. Хозяйственная дѣятельность съ выѣздомъ владѣльца, повидимому, остановилась. Неизвѣстно, когда начата была постройка большаго каменнаго дома въ 10 комнатъ, но затѣмъ брошена, и въ 1766 году онъ стоялъ не достроеннымъ и только подлѣ него торчало 2 людскихъ. Мельница приносила ничтожный доходъ. Она стояла на „ровчакѣ,

на рѣцѣ Кудравци стоячимъ, якъ въ собѣ мѣсть, футоромъ, огородами, займищами и сѣножатми въ ограниченю купленіе“ и т. д. Румянц. опись, докум. кіевской сотни.

¹⁾ Универсалъ отъ 11 іюля 1682 г., *ibid*.

²⁾ Универсалъ 1699 г. 11 іюля, *ibid*.

³⁾ „Огородами въ очеркваню одномъ найдуючимися, в мещанокъ кіевскихъ, Ксеніи Прокоповичовни Климовой і Зѣни Климовичовны Павловой купленіи“. *Ibid*.

прозиваемою Кирпичномъ“, и дѣйствовала только весною при весеннемъ половодѣ. Винокурни и другихъ хозяйственныхъ построекъ не существовало болѣе. Исчезла и земля сѣнокосная съ лѣсками: вся она была занята подъ поселеніе, роздана посполитымъ. Эти послѣдніе группировались въ 18 дворахъ и 4 бездворныхъ хатахъ и не пользовались ни пахатью, ни сѣнокосомъ, ни лѣсами, за отсутствіемъ ихъ у владѣльца. Населеніе состояло изъ 25 душъ м. пола въ возрастѣ отъ 15 до 60 л., 25 ж. пола (отъ 15 до 60), 20 подростковъ и дѣтей муж. п. и 25 ж. пола, а всего изъ 96 душъ. По составу оно было смѣшанное. Лишь 4 семьи принадлежали къ кіевскимъ уроженцамъ. Остальныя явились частью изъ Польской области (5), частью изъ праваго берега (Черкассы, Василькова и т. п.) и такихъ было 6, частью изъ Черниговщины (6) и Полтавщины (2). Въ какихъ отношеніяхъ находились посполитые къ владѣльцу, какія повинности несли они въ его пользу, изъ описи не видно, но несомнѣнно они представляли собою настоящихъ нищихъ, добывавшихъ пропитаніе лишь поденной работою („съ заработковъ“). Только 7 человекъ добывали средства къ жизни тканьемъ, да одинъ былъ кушниръ. Но врядъ ли размѣръ ихъ дѣятельности былъ особенно значителенъ. Консистентскую дачу платили всѣ поровну, по 1 р. 2 к. отъ хаты. Затѣмъ только у двухъ ткачей мы находимъ наемныхъ рабочихъ и учениковъ: у одного—2 рабочихъ, у другаго—1 рабочаго и 2 учениковъ, да у кушнира—одного ученика. Всѣ остальные, записанные такъ же, какъ и первые, въ цехъ, работали сами безъ чужой помощи. Нанятые рабочіе работали „съ половины“ и получали лишь одну пищу отъ хозяина. Какъ незначительно было благосостояніе посполитыхъ, обнаруживается вполне ясно изъ описи скота, которымъ они владѣли. Вовсе не имѣли скота 17 семей; у 4 семей было по 1, 2 и 3 свиньи, и только у одной—корова, лошадь и 3 свиньи.

XIV.

Д. Плоское. Старинная Бискупья улица, прорѣзывавшая Подоль у подножья Щекавицы, заканчивалась у Иорданскихъ воротъ, составлявшихъ крайнюю с.-з. оконечность Кіево-Подола. Отъ нихъ почти въ прямомъ направленіи къ Днѣпру шла стѣна или вѣрнѣе частоколь, „валокъ“, представлявшій собою въ описываемое время с. границу Подола. За воротами лежали земли, не входившія въ составъ города и составлявшія собственность Кирилловскаго монастыря. Здѣсь-то, непосредственно за воротами, по взгорьямъ и расположена была *д. Плоское*.

Территорія, на которой выстроилось село, такъ же какъ и окрестныя земли повидимому съ незапамятныхъ временъ принадлежали Кирилловскому монастырю. Еще въ 1530 году по повелѣнію князя Владиміра Юрьевича Добролицкаго Голшанскаго, „справцы воеводства кіевскаго“, Себастьянъ Яблонскій, „маршалокъ воеводы кіевскаго князя Януша Юрьевича Гольшанскаго“, Иванъ Вялковичъ, намѣстникъ кіевскій и „Василей Панковичъ, землянищъ повѣту кіевскаго“, обвели и обозначили гранями эту территорію, завладѣть которою пытались тогда и Лавра, и нѣкоторые отдѣльныя лица. Граница эта по ихъ указанію, шла по р. Сырцу, потомъ „черезъ лозу промежь Борковъ, ручаемъ у озеро Долгое, з давнихъ часовъ называемое озеро Кирилское, которое озеро прилегло концемъ ку Почайне речце, гдѣ и другая речка, Кривая Почайна, зишлась, с той речки Почайни у озеро Ерданское, изъ того озера смуговиною долиною, называемою Турецъ, а зъ Турца черезъ Болоне просто к валку старожитному, тимъ валкомъ у Юрковъ ставокъ“¹⁾. Все, лежавшее внутри этихъ границъ, „въ одномъ обрубѣ“, было признано собственностью церкви св. Кирилла.

Но пользы изъ этого акта церковь не получила никакой. Землю эту въ XVI в. и въ началѣ XVII считали пустопорожнею и никому не принадлежавшей; ею пользовался всякій, кто

¹⁾ Румянц. опись, докум. кіевской сотни: „выписъ зъ книгъ головнихъ трибунальскихъ воеводства Кіевскаго“.

хотѣлъ. А отсюда вытекали постоянныя ссоры и побойща изъ за сѣножателей, рыбныхъ ловель и т. п., длившіяся въ теченіе всей второй половины XVI в., пока ихъ не прекратилъ Филонъ Стрибылъ, чашникъ кіевскій. Онъ, какъ читаемъ мы въ его заявленіи ¹⁾, „за прозбою иныхъ нѣкоторихъ людей, а вѣдомости певное не маючи“, кому принадлежала земля, „на новихъ плечахъ, за валкомъ отъ Юркова ставку, отъ улицы и плечовъ бѣскупства Кіевскаго уз гору ку светому Кирилу“... позволилъ „людямъ огорода займовати и на тихъ плечахъ се будовати“ и далъ „людемъ тамъ оседающимъ на слободу для побудоване волности“. Повидимому, поселилось здѣсь не мало разнаго рода лицъ, „килко десять челоуѣка“, въ томъ числѣ и нѣкто „панъ Соколовскій“, обвиненный авторомъ описанія Кіева Берлинскимъ въ яко бы насильственныхъ дѣйствіяхъ противъ Кирилловскаго монастыря, а въ дѣйствительности занявшій эти земли съ согласія князя Острожскаго, какъ замковыя пустыя, и получившій на то разрѣшеніе отъ варшавскаго сейма ²⁾.

Это разрѣшеніе основать слободу было дано какъ разъ въ то время, когда Василій Красовскій явился въ Кіевъ игуменомъ Кирилловскаго монастыря. На распоряженіе Стрибыла онъ посмотрѣлъ, какъ на нарушеніе правъ церковной собственности, и поднялъ на ноги почти весь Кіевъ. Онъ добылъ изъ архива кіевскаго трибунала копию межевого акта 1530 г., приведеннаго выше, и, опираясь на него, заставилъ священниковъ и крилошанъ кіевскихъ подать протестъ противъ дѣйствій Стрибыла. Этого мало. Въ 1608 году онъ побудилъ и весь кіевскій магистратъ и всѣхъ земянъ кіевскихъ вмѣшаться въ дѣло и подтвердить права монастыря. Войтъ кіевскій, Яцко Балака, бурмистры, райцы, лавники и все посольство и мѣщане кіевскіе, въ числѣ болѣе чѣмъ пятидесяти челоуѣккъ, выдали за своею подписью составленный въ ратушѣ актъ, въ которомъ до-

¹⁾ Ibid., актъ, выданный игумену Василю Красовскому Филономъ Стрибыломъ въ 1609 году.

²⁾ См. ib., актъ войта кіевскаго и др. гдѣ подробно изложена эта исторія съ Соколовскимъ.

казывалось неоспоримое право Кирилловскаго монастыря на землю, за бискупскими пледами лежащую до р. Сырця. Такого же рода заявленіе было дано три года спустя, въ 1608 году, и отъ „дигитаровъ, урядниковъ, рицерства, шляхты, обивателей земли кіевской“¹⁾. Въ немъ кіевское земство между прочимъ писало, что „за збуреніемъ отъ непріятели крижа светого земля Кіевская у великихъ небезпеченствахъ тривала... і спустошена была, і церкви в запусѣлости заставали, яко манастир стого Кирила за нефундованими настоятелми, же одне кгрунты мало не всѣ пожитки за недозоромъ поодлегалі і разобраны были“. Но вотъ, продолжаютъ они, явился отецъ Василій Красовскій, а съ нимъ „порядокъ добрый зачался“. Онъ „тую запусѣлую и заваленную отъ давнихъ часовъ церковь працею и стараніемъ своими, мурь обваленные, верхъ самой диравой працею, коштомъ і накладомъ своимъ оправиль, к ухвале пану Богу“. Тронутые энергіею отца Василя, они и выдали ему удостовѣреніе на право владѣнія територіею „починающеюся отъ предмѣстія Кіевскаго отъ улицы бискупей, от валка і ставку Юркова, гдѣ панъ Войтехъ Соколовскій мешкаетъ и не мало людей, от того валку... гдѣ цеголю і плитки побудовани... по самую рѣчку Сирецъ“ и т. д.

Монастырь вступилъ теперь въ права полного собственника описанной территоріи и сталъ пользоваться ею почти до конца XVII в., когда ему пришлось второй разъ вступить въ упорную борьбу за свою землю, но уже съ тѣмъ же магистратомъ, который 90 лѣтъ назадъ самъ подтвердилъ ее за монастыремъ. Мѣщане кіевскіе и войтъ кіевскій Иванъ Быковскій заявили притязаніе на земли, лежавшія подлѣ городской стѣны. Но въ лицѣ игумена монастыря Иннокентія, они встрѣтили личность, не менѣе энергическую въ дѣлѣ защиты монастырской собственности, какъ и его предшественникъ, Красовскій.

¹⁾ Оба акта были занесены въ земскія судовыя книги кіевскаго воеводства въ 1617 году 9 октября. Румянц. опись, ів. Въ числѣ подписавшихъ второй актъ мы находимъ подписи Лукаша Сапѣги (на польск. яз), Фридриха Тышкевича (тоже), Михаила Новицкаго, судьи гродскаго (на русск. яз) и массу другихъ.

Онъ подавъ жалобу царямъ Іоанну и Петру на дѣйствія войта и выигралъ дѣло. Боярину князю Михаилу Ромодановскому было предписано произвести разслѣдованіе и затѣмъ размежевать земли, принадлежація монастырю ¹⁾. Въ 1691 году посланный Ромодановскимъ дьякъ Алферьевъ съ товарищами и понятыми, въ томъ числѣ бывшимъ кіевскимъ сотникомъ Саввою Тупталомъ, жителями *слободы Плюскольской*, войтомъ Быковскимъ и др., повершилъ дѣло и составилъ подробный межевой актъ владѣній Кирилловскаго монастыря ²⁾.

¹⁾ Румянц. опись, ів. Грамота царей Іоанна и Петра 1691 г., 26 сентября.

²⁾ Актъ этотъ настолько интересенъ въ топографическомъ отношеніи и заключаетъ такую массу данныхъ для топографіи Кіева, что я считаю небезполезнымъ привести его почти цѣликомъ и тѣмъ дать матеріалъ для изслѣдователей топографіи Кіева.

Сразу же оказалось, несмотря на протесты мѣщанъ, что старожитный валокъ и есть межа между магистратской и монастырской землей. Войтъ съ мѣщанами указалъ было на мѣсто на пятнадцать сажень впередъ, но тамъ не только валка, но и слѣда его не оказалось, а найдены лишь жилища воловиковъ, монастырскихъ подданныхъ. Здѣсь у валка „у дороги и по другую сторону той дороги отъ горы Шковики“ былъ поставленъ столбъ. Оттуда межевщики направились къ Юрковому ставку“ и верхъ того ставку чрезъ гору Шковицу долиною на гору, идучи на низовое чрезъ дорогу... изъ нижняго гор. Кіева по горѣ Шковицѣ въ Чортову долину, въ рѣчку Кудрявецъ... и по конецъ валка надъ байракомъ“ (300 саж). Земля по лѣвую сторону признана мѣщанскою, по правую этой грани—монастырскою. Отъ байрака старожилы повели Алферьева рывтинами чрезъ р. Кудрявецъ до Хвощовой долины, пока не вывели на дорогу къ Святошицкому бору, дорогу, которою „ездятъ изъ Бѣлогородки въ Кіевъ“ (неизвѣстно количество сажень). Межу затѣмъ повели дорогой до „Данилова креста и поганныхъ лозъ“ (300 саж), отдѣляя здѣсь земли Кирилловскаго монастыря отъ земель Софійскаго и Михайловскаго. Отсюда добрались до вершины р. Сырца (1300 с). Отъ вершины Сырца былъ совершенъ поворотъ къ Кирилловскому монастырю, и межа поведена по теченію рѣчки до мельницы кирилловской (1500 с). Все на правой сторонѣ отдано монастырю, земля влѣво признана была собственностью кіевскихъ козаковъ. На сорокъ шесть сажень ниже мельницы былъ опять поставленъ межевой столбъ и отъ него грань

Уже тогда, когда шло это межеваніе, существовало на земляхъ монастыря поселеніе посполитыхъ монастырскихъ, носившее названіе слободы Плосколѣской. Оно было основано по всей вѣроятности не ранѣе половины XVII в. Столѣтіе спустя оно изъ слободы превратилось уже въ деревню, состоявшую изъ 51 двора и населенную монастырскими подданными, и ряда дворовъ, устроенныхъ здѣсь же частными лицами: священни-

повели къ Пунищамъ. Кіевскіе мѣщане въ актѣ, выданномъ Кирилловскому монастырю въ 1605 году, сообщаютъ, что „гдѣ замокъ кіевскій будовано, теди на томъ месцу, что зовуть Пунищами, на воли робочіе пороблени были пуни, ис тихъ причинъ тое месце зовуть пунищами“. (505 с). Отъ Пуницъ межа идетъ до впаденія Сырца въ Кирилловское долгое озеро (475 с.), отдѣляя монастырскую землю отъ мѣщанской за Сырцемъ. По озеру грань направляется къ Почайнѣ при слияніи съ Кривою Почайной противъ Іорданскаго монастыря (925 с), по краю выгонной мѣщанской земли, прилегающей къ Днѣпру. Отсюда путь по Іорданскому озеру къ смуговинѣ Турецъ, затѣмъ назадъ вдоль Кирилловскаго озера выше устья Сырца до средней дороги въ Вышгородъ (275 с). Отъ этой дороги, направляясь по ней къ другой смуговинѣ, положена грань, отдѣляющая сѣнокосъ Кирилловскаго монастыря отъ сѣнокосовъ Николая Притискаго, которыми завладѣли мѣщане (475 с). Межа направилась далѣе чрезъ лозы до креста, поставленнаго здѣсь въ 1672 году воеводою княземъ Григоріемъ Козловскимъ (200 с). На лѣво отъ этой межи находился выгонъ мѣщанъ кіевскихъ. Отъ креста грань пошла къ Кирилловскому озеру противъ устья Сырца по болоту Михайловское озеро (905 с). Здѣсь, по правую сторону дороги лежали кирилловскія земли, на лѣво къ Днѣпру по пути въ Кіевъ земли Михайловскаго монастыря и бывшаго войта, Ждана Тадрики. Отъ Іорданскаго озера отмѣчена сверхъ того грань по долинѣ Турецъ и по направленію къ дорогѣ изъ Кіева въ боръ (330 с). Отсюда межа идетъ уже прямо къ старожитному валку (270 с), отдѣляя землю Кирилловскаго монаст., лежащую на право, отъ мѣщанскаго выгона. Наконецъ, по валку повели Алферьева къ дорогѣ изъ нижняго Кіева чрезъ городскія ворота въ Кирилловскій монастырь (130 с. длина валки) и здѣсь закончили межеваніе, давшее въ результатѣ длину всей окружности монастырскихъ земель, 8 верстъ 971 с (по 1 т. сажень на версту). Этимъ межеваніемъ Высочайше утвержденнымъ, споръ съ мѣщанами не кончился. Дѣло возобновилось въ 1747 г. См. Андріевскій, матеріалы, VI, стр. 25 и сл.

комъ подольскимъ церкви св. Василя, сотникомъ Михаиломъ Гудимомъ и др ¹⁾).

Монастырь завелъ здѣсь довольно обширное хозяйство. Онъ приписалъ къ деревнѣ пахатную землю на 150 дней (112^{1/2} дес), которую обрабатывалъ своими подданными и въ свою пользу. Ежегодно высѣвалось на ней 30 четвертей ржи и 7 четвертей гречки. Затѣмъ къ той же деревнѣ принадлежали: сѣнокосъ близъ Іорданскаго озера на 3 тыс. копень сѣна, поступавшаго цѣлостью въ монастырь, и дровяной лѣсъ въ три версты длинной и полторы въ ширину. Но этимъ не исчерпывалась хозяйственная дѣятельность монастыря. Онъ получалъ крупный доходъ съ 5 мельницъ, находившихся въ разстояніи 1 в. отъ деревни. Мельницы, правда, мололи лишь лѣтомъ да весною, но тѣмъ не менѣе доставляли монастырю за одинъ помоль 200 четвертей хлѣба ежегодно. Сверхъ того,—и то было наиболѣе крупною статью,—существовалъ винокуренный заводъ на два котла. Хлѣбъ на вино и дрова монастырь употреблялъ свои, рабочихъ нанимать было не для чего: подданныхъ было немало. Выцѣживалось 1000 ведеръ и отвозилось по мѣрѣ приготовленія въ монастырскіе шинки, числомъ 3, стоявшіе „въ оной деревнѣ на проезжихъ улицахъ“. Какъ великъ былъ доходъ отъ этой продажи въ розницу, можно судить по слѣдующимъ даннымъ. Въ 1768 г. въ шинкахъ, содержимыхъ въ Золотоношѣ и др. городахъ, на откупѣ маіоромъ Скоропадскимъ и нѣкимъ Долинскимъ ²⁾, водка продавалась по 1 руб. 20 к. ведро. Принимая ту же цѣну ведра и для д. Плоское, мы получимъ 1200 руб. за водку, выцѣживаемую въ винокурнѣ. Шинкарямъ и въ шинкахъ Скоропадскаго, и во всѣхъ другихъ шинкахъ отдавали десятую долю прибыли, т. е. въ данномъ случаѣ 120 руб. Монастырю оставалось ежегодно записать въ доходъ 1080 р.

¹⁾ Дворовъ „штабъ и оберъ афицеровскихъ“ было 6, мѣщанскихъ—18; за нихъ монастырь взималъ чиншъ, размѣръ котораго не показанъ.

²⁾ Дѣло по счетной части малороссійской коллегіи № 7, ркп. университетской бібліотеки.

Ничего подобнаго не могли дать тогда никакіе другіе фабрики и заводы. Монастырь устроилъ, напр., въ той же деревнѣ кирпичный заводъ. Онъ отдалъ его въ аренду мѣщанамъ, но получалъ за него въ годъ всего лишь 10 р.

Посмотримъ теперь, что представляла собою деревня, въ какомъ положеніи находились посполитые, подданные монастыря.

Въ 51 дворѣ находилось 59 хатъ, въ которыхъ помѣщались 65 семей. Населеніе подданныхъ монастырскихъ состояло изъ 267 душъ обоего пола, изъ которыхъ муж. пола отъ 1 до 15 л. было 45, отъ 15 до 60 л.—79, свыше 60—9, жен. пола отъ 1—15 л.—50, отъ 15 до 60 л.—77, свыше 60 л.—9. Около половины семей были мѣстные уроженцы или кіевляне (30), остальные—пришлыя: изъ Польской области—15, изъ селеній кіевского полка—7, изъ Полтавщины—9, изъ Черниговщины—2, неизвѣстнаго происхожденія—1.

Ни одна изъ этихъ семей не получила отъ монастыря никакихъ угодій: ни пахатныхъ или сѣнокосныхъ земель, ни лѣсовъ. Имъ отведены были лишь усадьбы съ небольшимъ количествомъ хозяйственныхъ построекъ или даже безъ нихъ. Въ 24 дворахъ стояли однѣ лишь избы и ни одной хозяйственной постройки. Съ одной хозяйственной постройкой насчитывалось 16 дворовъ, съ 2 постройками—8, съ 3 постройками—1, да одинъ дворъ съ 7 постройками (3 амбарами, 1 стайней, сажемъ рубленнымъ, 2 сараями).

Но это не вліяло на отношенія къ монастырю. Панщина отбывалась всѣми въ обыкновенномъ въ монастырскихъ селахъ размѣрѣ, и только 9 дворовъ откупились отъ панщины, замѣнивъ ее денежнымъ взносомъ. Съ нѣкоторыхъ изъ этихъ дворовъ монастырь получалъ 32 р. 50 к. То были несомнѣнно наиболѣе зажиточные люди, и поэтому прежде всего обратимся къ нимъ.

Плата отъ двора была различна, начиная отъ 1 р. и до 8 р. Максимальную плату монастырь взымалъ съ 3 дворовъ, въ размѣрѣ 4, 7 р. 50 к. и 8 р. Достаточно заглянуть въ опись, чтобы понять въ чемъ причина такой высокой платы. Оказывается, что каждый былъ занятъ наиболѣе прибыльнымъ въ то

время дѣломъ, т. е. винокурениемъ. Въ 4 дворахъ существовало по винокурнѣ: одна на 2 котла, одна на 3 и двѣ на 4 котла, изъ которыхъ выцѣживалось водки 150 ведеръ въ одной винокурнѣ, 200—въ другой и по 300 въ двухъ остальныхъ. Если мы примемъ цѣну ведра только въ 1 р., согласно той цѣнѣ, которая въ шинкахъ Скоропадскаго принята за полугарь, то валовой доходъ каждаго хозяина выразится въ томъ же количествѣ рублей, сколько выкуривалось ведеръ. Но не имѣя угодій и лѣса, они должны были покупать дрова и хлѣбъ на Подолѣ, да сверхъ того нанимать рабочихъ. Въ одной винокурнѣ, напр. вырабатывавшей 300 ведеръ, нанять былъ рабочій по 10 к. отъ кадки на хозяйскихъ харчахъ, да работница за 2 р. въ годъ на одеждѣ и пищѣ хозяйской. Въ другой штатъ рабочихъ былъ еще больше: здѣсь нанято было 4 рабочихъ, изъ которыхъ главному уплачивали 4 рубля въ годъ, двумъ другимъ по 1 р. 50 к. и одной по 1 р. на всемъ готовомъ. Но не смотря на все эти расходы, не мало, должно быть, оставалось денегъ въ видѣ чистаго дохода, если владѣльцы винокурень не только уплачивали указанные суммы монастырю¹⁾, но и вносили на консистенцію по 1 р. 50 к. вмѣсто нормальныхъ 1 р. 2 к. съ хаты. Что они были зажиточнѣе другихъ односельчанъ, въ этомъ можно убѣдиться изъ данныхъ объ ихъ движимости. На всю деревню имѣлось скота слѣдующее количество: воловъ—8, коровъ—25, лошадей—17, свиней 25. Изъ этого количества у 4 хозяевъ винокурень насчитывалось 6 воловъ, 10 коровъ, 2 лошади и 77 свиней. Чтобы нагляднѣе показать значеніе этого факта, приводимъ распредѣленіе скота между остальными дворами. Въ 27 дворахъ не было ни рогатаго скота, ни свиней; по 1 лошади имѣло 11 дворовъ, по 2—2 двора; по 1 коровѣ—3 двора, по 2 коровы—6 дворовъ; 2 вола—въ одномъ дворѣ; по 1 свинѣ—4 двора, по 2—2, по 4—одинъ.

Изъ другихъ лицъ, замѣнившихъ панцину денежнымъ взносомъ, самая высшая плата была наложена на два двора,

¹⁾ Лишь одинъ винокуръ не платилъ денегъ въ монастырь, а отбывалъ панцину натурою.

5 и 4 р. Обитатели первого жили съ заработковъ, въ дворѣ было 7 взрослыхъ рабочихъ; обитатели втораго занимались продажею въ городѣ рыбы. Два остальные тоже жили съ заработковъ и платили: одинъ 3 р., другой рубль. Два были освобождены отъ всякаго рода повинностей и платежей, ибо состояли шинкарями и были вполнѣ обеспеченными людьми. Одинъ былъ также освобожденъ, но видимо вслѣдствіе старости и полной нищеты.

Изъ подданныхъ, обязанныхъ нести панцину, лишь немногіе имѣли постоянные источники дохода. Ремесломъ занималось лишь 6 домохозяевъ: ткацкимъ—3, портняжествомъ—1, гончарствомъ 1 и бондарствомъ—1. Какъ велики были ихъ доходы, опредѣлить нѣтъ возможности, но вотъ данныя, указывающія, на различіе въ ихъ экономическомъ положеніи. 4 изъ нихъ вносили консистентскую плату лишь по 1 р., одинъ уплачивалъ 1 р. 20 к. и одинъ—2 р. Сверхъ того, пять работали сами безъ рабочихъ. У двухъ мы находимъ помощниковъ. Портной, напр., держалъ 2 рабочихъ: одному платилъ въ годъ 5 р., другаго, ученика, держалъ безъ платы, но оба были на его харчахъ. Ткачъ, державшій одного рабочаго, кормилъ его и отдавалъ ему половину всѣхъ полученныхъ доходовъ.

XV.

*Слободка Никольской Поликъ*¹⁾, владѣніе Пустынно-Николаевского монастыря, возникла повидимому вслѣдствіе тѣхъ же причинъ, которыя привели къ перенесенію и мѣстечка Печерское на новое мѣсто, т. е. вслѣдствіе постройки печерской крѣпости. Крайняя разношерстность населенія ея, отсутствіе хотя одной семьи, которая числилась бы въ разрядѣ аборигеновъ слободки, служить неопровержимымъ доказательствомъ недавняго

¹⁾ Уже когда статья была почти написана и набрана, я случайно нашелъ въ одной изъ связокъ Р. О. козелецкой сотни описъ слободки. Оттого настоящая глава помѣщается, не въ томъ порядкѣ, въ какомъ бы слѣдовало.

ея возникновенія. Съ другой стороны, на то же указываетъ и то обстоятельство, что въ грамотѣ 1689 года, выданной Николаевскому Пустынному монастырю царями Іоанномъ и Петромъ и царевной Софіей и приложенной къ описи слободки, ни слова не говорится о поселкѣ, а лишь о землѣ, на которой стоялъ монастырь, и о землѣ, купленной монастыремъ у кievскихъ мѣщанъ Григорьевыхъ.

Монастырь владѣлъ въ Кіевѣ весьма значительною территоріей. Начиная отъ того мѣста, гдѣ онъ выстроенъ, владѣнія его тянулись вдоль Днѣпра до самаго Крещатика, соприкасаясь то съ лаврскими землями, то съ землями, принадлежавшими Михайловскому монастырю. Здѣсь-то, на этой территоріи и устроилось подлѣ самаго монастыря поселеніе, получившее названіе Слободка Никольской Поликъ. Оно состояло изъ трехъ группъ, то была, во-первыхъ, Солдатская слободка. Въ силу именныхъ указовъ, вѣроятно Петра I и Елисаветы Петровны, значительная часть монастырской земли была нанята у монастыря правительствомъ. На ней построены были избы для солдатъ и артиллерійскихъ служителей, дворъ полевой артиллеріи и дворъ, гдѣ устроенъ былъ лазаретъ для кievскихъ гарнизонныхъ полковъ. Въ какомъ именно мѣстѣ находились всѣ эти постройки, опись не разъясняетъ: она ограничивается простымъ указаніемъ, вовсе не давая описанія ихъ. За этою частью монастырской территоріи вся мѣстность, занятая дворцовымъ садомъ, была также нанята у монастыря подъ виноградный садъ, такъ что монастырь удержалъ за собою лишь ту полосу земли подлѣ Крещатика и на Крещатикѣ, гдѣ стояли, какъ мы видѣли, винокурни. Ежегодно въ кievскую губернскую канцелярію исправно являлся уполномоченный отъ монастыря монахъ за получениемъ 200 р. за нанятую землю.

Затѣмъ, сюда же перенесены были и лавки Печерскаго монастыря, вслѣдствіе сноса мѣстечка для расчистки мѣстности подъ крѣпость¹⁾.

Наконецъ, третью группу представляла слободка Никольской Поликъ, выстроенная на свободной монастырской землѣ и

¹⁾ Андріевскій, VII, 41.

подлѣ самаго монастыря. Здѣсь, ближе къ монастырю, устроенъ былъ громадный монастырскій дворъ съ большимъ деревяннымъ домомъ изъ 8 комнатъ, съ чуланами и 8 людскими. Сверхъ того подлѣ дома выстроено было 3 амбара, баня и пивоварня. Въ отдаленіи стояла конюшня съ двумя рубленными избами для конюховъ. Дворъ былъ биткомъ набитъ всякаго рода людомъ. Тутъ жили и послушники, и наемные рабочіе, все это съ женами и дѣтьми. Со всѣхъ сторонъ стеклось сюда самое разношерстное населеніе, состоявшее изъ 57 душъ: 30 взрослыхъ (21 м. и 9 женщ), 16 дѣтей (7 м. п. и 9 ж) и 11 увѣчныхъ (1 м. и 10 ж), негодныхъ ни къ какой работѣ, страдавшихъ „падучою, черною“ и иными болѣзнями, хромыхъ, безногихъ и т. д. Тутъ были уроженцы и Кіева и его окрестностей (8), и Польской области (14), и Черниговщины (6), и Полтавщины (12), и Слободской Украины (1). Большинство жило на счетъ монастыря, на его одеждѣ и пицѣ, изъ одного „послушанія“, не получая отъ монастыря ничего деньгами. Нанято было лишь нѣсколько душъ. Монастырь держалъ при дворѣ кузнеца, которому платилъ 10 р. въ годъ и сверхъ того давалъ ему одежду и пицу, затѣмъ каретника („стельмаха“) за 9 р., одежду и пицу и трехъ конюховъ за 8, 7 и 5 р. съ одеждой и пицей.

За дворомъ начиналось поселеніе монастырскихъ посполитыхъ, состоявшее изъ 23 дворовъ и 3 бездворныхъ хатъ. По своему характеру, по образу жизни населявшихъ его посполитыхъ людей, подданныхъ монастыря, оно вполне подходило къ сосѣднимъ съ нимъ селеніямъ, занимая среднее мѣсто между м. Печерское и селеніе Васильковскія Рогатки. Въ немъ не было и признаковъ, свойственныхъ земледѣльческому поселку: монастырь, требуя отъ 23 дворовъ по 2 дня панщины въ недѣлю, отъ одного—по 6 дней, взывая съ одного панщину его ремесломъ, наконецъ освобождая еще одного отъ панщины за труды его въ монастырскомъ шинкѣ, не надѣлилъ ихъ ни пахатью, ни другими угодьями. Единственнымъ ресурсомъ и источникомъ дохода и существованія являлись либо поденный трудъ, либо занятіе ремесломъ. Это послѣднее было значительно развито въ слободкѣ. Изъ 32 семей 17 считались ремесленниками, но не

занесанными въ цехъ. Преобладающую роль играло здѣсь гончарное ремесло, которымъ занято было 10 семей. Нѣкоторыя изъ нихъ вели дѣло въ довольно обширныхъ повидимому размѣрахъ. Такъ, у одного гончара мы находимъ двухъ наемныхъ рабочихъ, получавшихъ въ годъ 5 р. и 2^{1/2} р., одежду и пищу, и сверхъ того въ дворѣ 2 лошади. Другой держалъ одного рабочаго за 8 р., но безъ одежды,—фактъ, указывающій на стоимость годовой одежды, представлявшую сумму около 3 р., и другаго рабочаго на половинѣ дохода. Два гончара имѣли, видимо, меньшій заработокъ: они держали по 1 рабочему на условіи раздѣла пополамъ получаемого дохода, при чемъ хозяинъ обязывался лишь кормить рабочаго. Остальные гончары работали сами безъ помощи наемныхъ рабочихъ. Въ сравнительно выгодномъ положеніи находился и единственный въ слободкѣ сапожникъ, дѣла котораго шли настолько хорошо, что онъ могъ не только держать рабочаго, но и платить ему 7 р. въ годъ и давать одежду и пищу. Въ слободкѣ было еще 2 ткача, 2 каменьщика, 1 кушнеръ, 1 рымаръ (шорникъ), но всѣ они работали сами, безъ помощи наемной рабочей силы. 15 семьямъ приходилось жить съ заработковъ, поденнымъ трудомъ.

Населеніе слободки состояло при 127 д. обоюга пола, изъ которыхъ муж. пола отъ 1—15 л. было 26, отъ 15—60 л.—36, свыше 60—2, женск. п. отъ 1 до 15 л.—25, отъ 15—60 л.—36, свыше 60—1. Сверхъ того насчитывалось 10 взрослыхъ рабочихъ: 8 муц. и 2 женщины. По составу оно представляло слѣдующую картину: уроженцевъ Кіева—12, Печерска—2, Польской Области—8, кіевского полка—5 и 6 изъ разныхъ мѣстъ Полтавщины и Черниговщины (миргородскаго, переяславскаго, стародубскаго и др. полковъ). Лишь два принадлежали къ козачьему званію, да одинъ былъ изъ мѣщанъ. Среди рабочихъ—тоже разнообразіе: 3 изъ Печерска, одинъ—Польской области, одинъ—Черниговщины, два—Полтавщины и одинъ—кіевского полка.

Житейская обстановка и здѣсь была крайне незавидна, почти нищенская. Въ 16 дворахъ изъ 26 вовсе не было скота; по одной штукѣ имѣло 2 двора, по 2—3 двора, 5 штукъ—1

дворъ. По одной коровѣ насчитывалось въ 7 дворахъ, по 1 лошади—въ 5, по 2—въ 1 дворѣ; по 1 свиньѣ—въ 2 дворахъ и по 2—въ одномъ. Дворовъ безъ всякихъ хозяйственныхъ построекъ было 7, съ одной—13, съ двумя—6. Не велико было также и количество рабочихъ силъ въ каждомъ дворѣ. Безъ рабочихъ силъ считался одинъ дворъ; съ 1 мужескою рабочею силою—15, съ 2—9, съ 3—1 дворъ; съ 1 женскою—17 дворовъ, съ 2—15 дворовъ и съ 3—только три двора.

XVI.

Намъ остается лишь подвести итоги по даннымъ, касающимся всѣхъ разсмотрѣнныхъ селеній. Для ббльшей наглядности я постараюсь, гдѣ это возможно, представить эти итоги въ видѣ таблицъ, которыя почти не потребуютъ комментаріевъ.

Начнемъ съ населенія. Все количество его въ 1766 г., во всѣхъ извѣстныхъ намъ селеніяхъ, доходило всего до 2600 д. обоего пола. По возрастамъ все оно, считая осѣдлыхъ и рабочихъ, распредѣлялось слѣд. образомъ:

Мужескаго пола			Женскаго пола		
отъ 1—16	отъ 15—60	свыше 60	1—15	15—60	свыше 60
481	724	62	538	720	75

На осѣдлое населеніе, состоявшее, какъ изъ козаковъ, такъ и изъ посполитыхъ, приходилось:

Мужескаго пола			Женскаго пола		
1—15	15—60	свыше 60	1—15	15—60	свыше 60
432	575	54	482	628	57

Собственно козацье населеніе, какъ намъ извѣстно, состояло изъ 114 душъ обоего пола. Число посполитыхъ, доходило, слѣ-

довательно, почти до 2^{1/2} тысячъ душъ, т. е. было преобладающимъ въ то время въ Кіевѣ.

По своему составу это осѣдное населеніе представляло слѣдующую картину:

Общее число семействъ.	Мѣстныхъ	П О Л К О В Ъ										Чужестранц.	Неизв. проис.		
		Польск. обл.	кіевск.	черниг.	пѣкинск.	старод.	прилуц.	пересел.	дубенск.	миргород.	полтавск.			галяцк.	слободск.
559	272	101	94	13	8	4	14	26	10	5	2	3	6	1	2

Такимъ образомъ, коренное населеніе, населеніе мѣстнаго происхожденія, составляло въ XVIII в. лишь около 49% общаго числа семей, 51% приходилось на долю пришлага элемента. Населеніе Кіева пополнялось слѣдовательно извнѣ, и мѣстный элементъ далеко не опредѣлялъ собою фizioноміи будущаго города.

Еще рѣзче это сказывается на той части населенія, которая не имѣла опредѣленной осѣдности, т. е. на рабочихъ. Число этихъ послѣднихъ (не включая сюда дѣтей и ненанятыхъ женъ рабочихъ) доходило до 315 человекъ обоаго пола, слѣдующаго состава:

Мѣстныхъ.	Польск. Обл.	П О Л К О В Ъ										Изъ Австрій-	Неизв. про-исхожд.	Великорос.	
		кіевск.	черниг.	пѣкинск.	старод.	прилуц.	пересел.	дубенск.	миргор.	полтавск.	галяцк.				слободск.
66	82	37	20	15	3	10	9	7	3	3	8	24	3	7	1

Мѣстный элементъ составлялъ такимъ образомъ едва 1/4 всего числа рабочихъ, 78^{1/2}% общаго числа рабочихъ были пришлые. Больше всего, 26, 62%, доставляли села и деревни окрестностей Кіева, находившіяся тогда въ предѣлахъ Польши; за тѣмъ слѣдовалъ кіевскій полкъ (12,01%). Остальные полки давали сравнительно немного, и тѣмъ меньше, чѣмъ больше были удалены отъ Кіева. Исключеніе представляла Слободская Украина: число рабочихъ, доставляемыхъ ею, составляло 7,79% всего числа рабочихъ.

Изъ этого числа рабочихъ, такихъ, которые нанимались у посполитыхъ было всего 95 чел. обоого пола ¹⁾, т. е. около 31% всѣхъ рабочихъ. Да притомъ изъ этихъ послѣднихъ 40 человекъ состояли либо при ремесленникахъ, въ качествѣ то рабочихъ, то учениковъ, либо при промышленникахъ, и только 25, главнымъ образомъ женщины, рабочими при семьяхъ посполитыхъ, не занятыхъ ремеслами, т. е. на 398 семьи.

Отношеніе этихъ послѣднихъ рабочихъ къ нанимавшимъ ихъ посполитымъ выражалось главнымъ образомъ тѣмъ, что семья давала имъ отъ себя одежду и пищу. Плата деньгами была сравнительно рѣдкимъ явленіемъ. Изъ 22 рабочихъ 9 получали отъ хозяина лишь одежду и пищу. Рабочую плату сверхъ того получали 18 человекъ, причемъ она колебалась между 40 к. и 2 р. 50 к. въ годъ ²⁾. Зарабочая плата возвышалась для лицъ мужескаго пола безусловно, а для женщинъ лишь отчасти при наймѣ для занятій ремесломъ или промысломъ. Она колебалась между 2 р. 50 к. и 6 рублями въ годъ, смотря по ремеслу. Дороже всего оплачивали посполитые трудъ кузнеца. Годичная плата взрослому рабочему равнялась 5 р (въ 4 случаяхъ) и 6 р (въ 1 случаѣ), подростку—3 р. Рабочая плата на винокурнѣ установилась для женщинъ въ 2 р. 50 к., падая до 1 р. 50 к.: для взрослыхъ рабочихъ она составляла 4 рубля годовыхъ или 16 к. или 20 к. недѣльныхъ, т. е. около 8 р. и 10 р. годичныхъ. 200 рабочихъ нанимались въ монастыри и къ козачьей старшинѣ, причемъ часть ихъ работала бесплатно, въ качествѣ послушниковъ при монастыряхъ, главнымъ образомъ при Лаврѣ (79 чел) и при Михайловскомъ монастырѣ (3). Положеніе ихъ было гораздо болѣе обеспеченнымъ и выгоднымъ, чѣмъ тѣхъ, которые работали у посполитыхъ. Не получавшіе платы жили на всемъ готовомъ: одежду и пищу поставляли имъ монастыри. Тѣ, которые сверхъ этого получали денежное вознагражденіе,

¹⁾ Отъ 1 до 15—10, отъ 15 до 60—51, женск. п. отъ 1 до 15—13, отъ 15 до 60—21.

²⁾ 40 к. получалъ одинъ малолѣтній, 80 к. (тоже малол.)—1, по 1 р. 50 к.—8 (взрослыя женщины), по 2 р. (взр. женщины)—4, 2 р. 50 к.—одинъ взрослый мужчина, и т. д.

заработывали ежегодно болѣе, чѣмъ вдвое противъ рабочихъ у посполитыхъ. Женская прислуга, состоявшая какъ и у посполитыхъ, на пищѣ и одеждѣ хозяйскихъ, установила нормальную годовую плату въ 2 р., все равно, приходилось ли ей работать на Подоль, или гдѣ нибудь въ Нижне-Лыбедскомъ селѣ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ впрочемъ плата возвышалась до 3 р (2 случая) и 4 р (1 случай). Заработная плата лицъ мужескаго пола колебалась между 4 р. 50 к. и 15 въ годъ. Отъ 4 р. 50 к. до 6 рублей получали за обыкновенный трудъ по дому и двору. Работа на винокурняхъ оцѣнивалась въ 7, 8 и до 11 рублей. Обыкновенный рабочій на винокурнѣ получалъ 5 к. поденной платы; главный винокуръ—по 25 коп. въ день. Максимальную плату получали нанятые для надзора надъ всѣмъ хозяйствомъ даннаго двора, садомъ и проч. или состоявшіе въ званіи шинкаря. Плата эта колебалась между 12 и 15 рублями¹⁾. Въ большей части случаевъ всѣ они получали одежду и пищу отъ хозяевъ: лишь немногіе изъ нихъ нанимались на своей одеждѣ. Пища хозяйская всегда и во всѣхъ случаяхъ была обязательнымъ условіемъ.

Такимъ образомъ наиболѣе обеспеченнымъ въ экономическомъ отношеніи являлся безспорно классъ вольныхъ рабочихъ, свободныхъ людей, не состоявшихъ въ чѣмъ-либо подданствѣ. Его заработная плата обращалась почти цѣликомъ въ капиталъ, такъ какъ рабочему нечего было тратить ни на наемъ помѣщенія,—всѣ рабочіе жили въ хозяйскихъ избахъ или людскихъ,—ни на пищу²⁾. При существовавшей въ то время дешевизнѣ и одежды, и съѣстныхъ припасовъ, рабочій, даже оставшійся безъ

¹⁾ По 2 р. получало—9 лицъ, нанятыхъ старшиной коз. или монастырями, 2 р. 50 к.—1, 3 р.—2 и 4 р.—1 лицо женск. пола. По 4 р. 50 к. получало 9 человѣкъ, по 5 р.—2, по 6 р.—10, по 7—5, по 8 и 8 р. 50 к. до 9 р.—19, по 10 до 12 р. 50 к.—13 чел., по 13, 14 и 15 р. по одному человѣку.

²⁾ Мы будемъ имѣть случай вернуться къ вопросу о заработной платѣ въ XVIII в. въ спеціальной статьѣ, и потому ограничимся здѣсь лишь общими данными.

работы, могъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ содержать себя въ теченіе почти цѣлаго года полученною годовою денежною платою.

Для посполитыхъ этотъ пришлый элементъ представлялъ такого соперника, бороться съ которымъ было невозможно. Преобладавшій тогда обычай найма рабочихъ на годъ ставилъ непреодолимая препятствія для посполитаго, обязаннаго отбываніемъ панщины. Поденная работа представляла поэтому для него единственный выходъ, но и ею въ значительной мѣрѣ не могъ онъ заниматься. Въ самомъ дѣлѣ, какое количество силъ могъ отпустить на рынокъ посполитскій дворъ того времени? Опись даетъ намъ на это отвѣтъ совершенно ясный. Съ одною рабочею силою насчитывалось во всѣхъ селеніяхъ 34 двора, съ 2 (т. е. преимущественно мужемъ и женою)—143, съ 3—90, съ 4—71, съ 5—26, съ 7—5, съ 8—1. Лишь въ одномъ насчитывалось 15 душъ, за то было 7 дворовъ такихъ, гдѣ не было вовсе рабочихъ силъ, а одни престарѣлые и увѣчные. Последніе впрочемъ были освобождены отъ панщины. Слѣдовательно только 193 обладали способностью и отбывать панщину, и идти на рынокъ съ предложеніемъ своихъ рукъ.

Часть изъ только что указанныхъ дворовъ должна быть впрочемъ исключена. Были ремесленники, шинкари, лица, занимавшіяся промысломъ или земледѣіемъ. Но такихъ было сравнительно немного. Только въ 70 дворахъ мы находимъ ремесленниковъ разнаго рода ¹⁾, въ 16 дворахъ—лицъ, занимавшихся рыбною ловлею и продажею рыбы; въ 9 дворахъ—разныхъ мелкихъ торговцевъ; въ 18 дв.—лицъ, занятыхъ различными работами при владѣльцахъ. Дворовъ, надѣленныхъ пахатью, насчитывалось всего 19, въ званіи шинкарей состояло 13 человекъ посполитыхъ, а собственныя винокурни имѣли всего 5 человекъ. На 379 дворовъ приходилось лишь 150, населеніе которыхъ

¹⁾ Ткачей—19, переплетчиковъ—13, портныхъ—10, гончарей—18, сапожниковъ—8, кузнецовъ—6, кирпичниковъ—5, иконописцевъ—4, каменьщиковъ—5, золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастеровъ—2, друкарей—2, кушнировъ—2, стекольщиковъ, бондарей, корзинщиковъ, шаповаловъ, чоботарей, швецовъ по 1.

имѣло опредѣленныя занятія или промыслы. Жители 229 дворовъ вынуждены были жить съ заработковъ, быть „поденниками“, какъ сами они называли себя. Но и изъ посполитыхъ съ опредѣленными занятіями только 18 могли считать себя болѣе обеспеченными. Я говорю о шинкаряхъ и винокурахъ, получавшихъ, какъ намъ извѣстно уже, отъ 12 до 20 р. и болѣе чистой прибыли ежегодно.

Главное обезпеченіе для посполитыхъ, шинкъ и винокурня, были также самою крупною и самою главною статьею дохода и для владѣльцевъ. Это обстоятельство не представляетъ ничего удивительнаго для того времени. Малороссія была исключительно земледѣльческою страной. Промышленная, фабричная дѣятельность среди ея обитателей совсѣмъ отсутствовала. Во всемъ, напр., черниговскомъ намѣстничествѣ въ 1786 году, судя по даннымъ, представленнымъ Шафонскимъ, существовало всего около 25 кирпичныхъ заводовъ, 12 стекляныхъ, 2 бумажныхъ, да 3 мыльныхъ, которые вдобавокъ имѣли весьма малый сбытъ и, какъ мы уже видѣли относительно кирпичныхъ, приносили самый небольшой доходъ. Таможенные книги и отчеты за 1762 и 1785 гг. ¹⁾, показываютъ, что вывозъ изъ Малороссіи былъ самый ничтожный, главнымъ образомъ состоявшій изъ заячьихъ и иныхъ мѣховъ, соленой рыбы, а изъ обработанныхъ продуктовъ, преимущественно крашенины и шерстяныхъ „коцѣй“ (одѣялъ), да поясовъ. Всѣ мануфактурныя произведенія: англійскія и силезскія сукна, разныя льняныя и шелковыя матеріи и т. п. доставлялись изъ за границы. За одинъ 1762 г. по межигорской таможи значилось въ доходѣ 4685 р. съ ввозныхъ пошлинъ и всего 860 р. съ вывозныхъ. Съ другой стороны потребности большинства земледѣльческаго класса были крайне ограниченны и вполне удовлетворялись домашнимъ производствомъ.

Кіевъ являлся тогда полнымъ отраженіемъ страны въ отношеніи производства. Заводовъ и фабрикъ, за ничтожными исключениями, не существовало въ немъ. А между тѣмъ, онъ

¹⁾ Изъ моего архива.

не могъ сдѣлаться подобно многимъ городамъ лѣваго берега Днѣпра чисто земледѣльческимъ поселеніемъ: мѣшала почва, песчаная въ большей своей части, негодная для обработки. Единственнымъ ресурсомъ являлся поэтому тотъ же родъ промышленной дѣятельности, который въ земледѣльческой полосѣ Малороссіи былъ главнымъ и почти единственнымъ, который одинъ среди преобладающаго натурального хозяйства служилъ источникомъ пріобрѣтенія. Я говорю о винокурениі, сильно развитомъ тогда въ Малороссіи. Тамъ заводы существовали почти въ каждомъ селѣ, являясь подспорьемъ для хозяйства. Здѣсь въ Кіевѣ они естественно должны были обратиться въ главный источникъ существованія и крупныхъ доходовъ. Всякій, кто обладалъ хоть небольшими средствами и желалъ обезпечить себя, тотчасъ же заводилъ винокурню или шинокъ. Крещатики, какъ мы видѣли, былъ обращенъ чуть не въ сплошную винокурную слободку. Винокурни разбросаны были почти вокругъ всего Кіева. Въ двухъ, напр., предмѣстьяхъ Кіева, Преорѣ и Куреневкѣ, гдѣ сидѣли хуторами кіевскіе мѣщане, изъ 84 извѣстныхъ намъ хуторовъ, въ 62 было по винокурнѣ ¹⁾, а на Сырцѣ устроено было разными лицами 29 винокурень ²⁾. Мы знаемъ изъ данныхъ, приведенныхъ выше, что доходы были здѣсь гораздо больше, чѣмъ въ какой-либо другой отрасли дѣятельности. Да иначе и быть не могло, такъ какъ, напр., на одномъ Подолѣ въ магистратскихъ шинкахъ выпивалось ежегодно отъ 25 до 30 тысячъ ведеръ водки, что доставляло магистрату доходъ въ 9—10 тыс. рублей ³⁾. Понятно отсюда, почему Кіевъ былъ городомъ винокурениа и только винокурениа; понятно, почему винокурение вызывало тогда въ Кіевѣ такую ожесточенную борьбу между мѣщанами и козаками, магистратомъ и монастырями. Понятнымъ станетъ также, въ виду массы шинковъ, которые украшали тогда почти всѣ улицы и города, и предмѣстій, смыслъ фразы извѣстнаго

¹⁾ Андріевскій, матеріалы, III, 39 и сл.

²⁾ Вѣдомость о числѣ десятинъ магистр. земли. Рук. дѣло 1785 г.—въ моемъ архивѣ.

³⁾ „Кіевская Старина“ 1887 г., № 6—7, стр. 579.

